

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	«Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904-1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством? (по материалам мировой печати)
Author(s)	Павлов, Дмитрий
Citation	Acta Slavica Iaponica, 26, 47-84
Issue Date	2009
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39572
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI26_003.pdf

«Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством? (по материалам мировой печати)

Дмитрий Павлов

В годы войны 1904–1905 гг. перед Японией и Россией встал комплекс масштабных идеологических проблем и вытекавших из необходимости их решения практических политических вопросов, которые приобрели широкое общественное звучание и необычайную остроту. Центральной среди них явилась задача собственного позиционирования в христианском и нехристианском мире с сопутствующим идейно-политическим «наполнением» и организационным обеспечением, а также шаги, направленные на популяризацию своей страны в глазах христианских народов при одновременном стремлении максимально дискредитировать соответствующие меры и сам «образ» противной стороны. Для нехристианской Японии война особенно актуализировала вопрос о статусе и реальном положении «своих» и зарубежных христиан на ее территории и в этой связи – об общем содержании и ситуативных изменениях собственной внутренней и зарубежной пропаганды с акцентом на межконфессиональную тематику. В то же время, перед японскими пропагандистами, работавшими с западной аудиторией, была поставлена задача нейтрализовать пугало «желтой угрозы» на мировой арене, затушевать представление о войне как столкновении христианской страны с языческой с тем, чтобы не допустить объединения против себя христианских государств в любой форме и предотвратить перерастание локального дальневосточного конфликта в мировой. В общем, речь шла как о создании во многом «выдуманной реальности» в виде некоего идеологического конструкта, так и о внедрении его в сознание западного сообщества. Непростая сама по себе, еще больше эта задача осложнялась необходимостью параллельно вести пропагандистскую кампанию в странах Востока, в содержательном плане совершенно отличную от адресованной Западу.

Поскольку в том или ином разрешении «христианского вопроса» Японией была заинтересована не только Россия, но и большинство других христианских великих держав, дискуссии о нем и вокруг него велись, главным образом, на страницах мировой печати. Одновременно пресса явилась главным «полем», на котором развернулись основные идейно-пропагандистские баталии как равно самих конфликтующих сторон, так и всех других участников этой полемики. Она же в решающей степени формировала мнение международной общественности о России и Япо-

нии. Поэтому в основу источниковой базы настоящей статьи положены материалы тогдашней мировой повременной печати.

Если не считать общих работ по истории западной и восточной ветвей христианства и их миссионерской деятельности в странах Востока,¹ историография самого «христианского вопроса» в годы войны 1904–1905 гг. (в широком его понимании) невелика. На сегодняшний день положено начало изучению русско-японской идейно-пропагандистской борьбы того времени,² разработке в российской публицистике предвоенного периода представлений о «желтой опасности» и о месте России на Востоке в целом,³ японо-российских культурных, интеллектуальных и конфессиональных связей во второй половине XIX – первой четверти XX вв.,⁴ «образа Японии» в Европе и России этого периода.⁵ В последние годы активно изучается пропагандистская деятельность Токио внутри Японии и состо-

-
- 1 См., напр.: Архангелов С.А. Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899; Stephen Neil, *A History of Christian Missions*, 2nd ed. (London, 1986); Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky, eds., *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia* (Ithaca, London: Cornell University Press, 2001); Саблина Э.Б. 150 лет православия в Японии. История Японской православной церкви и ее основатель Святитель Николай. М.-СПб., 2006 и др.
 - 2 См.: Мацумура Масаёси. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 4; Ian Nish, "Historical Introduction," *The Russo-Japanese War, 1904–5*, A Collection of 8 vols, Compiled & Introduced by Ian Nish, Vol. 1 (Global Orient, 2003), pp. 18–19; M. Matsumura, "Introduction," *Suematsu Kencho, The Risen Sun. Japanese Propaganda, Selected Readings. Series 1: Books 1872–1943*, Peter O'Connor ed., Vol. 3 (Global Oriental, 2004); Павлов Д.Б. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. XXII.
 - 3 См.: Milan Hauner, *What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today* (Boston, London, Sydney, Wellington, 1990); David Schimmelpenninck van der Oye, *Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan* (Northern Illinois University press, 2001); Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 322–357; Alex Marshall, *The Russian General Staff and Asia, 1800–1917* (London, New York, 2006), pp. 67–107; Marlene Laruelle, "The White Tsar: Romantic Imperialism in Russia's Legitimizing of Conquering the Far East," *Acta Slavica Iaponica* XXV (2008), pp. 113–134.
 - 4 J. Thomas Rimer, ed., *A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926* (Stanford, Washington, 1995); Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX вв. Сб. статей. СПб., 1998.
 - 5 См.: J. P. Lehman, *The Image of Japan. From Feudal Isolation to World Power. 1850–1905* (London, 1978); K. Tsuruta, ed., *The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad* (Vancouver, 1989); Молодяков В. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.-Токио, 1996; Игауэ Н. К постановке проблемы образа Японии и японцев в русском фольклоре XX в. // Фудзимото Вакио. К юбилею ученого. Сб. статей. Владивосток, 2004. С. 75–90; Rosamund Bartlett, "Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness," *The Russian Review* 1:67 (2008), pp. 8–33.

ание самого японского общества в годы войны;⁶ имеется значительный комплекс работ по истории религиозных учений Японии и ее идеологии тех лет.⁷

В новейшей исторической литературе отмечена необходимость тщательного изучения социо-культурных факторов, сопутствовавших войне, как с точки зрения рассмотрения самого этого вооруженного конфликта, так и с позиций его восприятия последующими поколениями, включая историков.⁸ Несмотря на это, исследований, которые были бы специально посвящены рассмотрению места и роли «христианского вопроса» в японо-русском идейно-пропагандистском столкновении времен войны, в исторической литературе нет. Как уже отмечалось в историографии,⁹ «желтая угроза» воспринималась на Западе в разных ипостасях, или составляющих – как гипотетическая возможность его прямого завоевания соединенными силами азиатов (в первую очередь, Китаем в союзе с Японией), как экономическая экспансия Азии в мировом масштабе (именно ее французский аналитик Alexandre Ular именовал «пан-монголизмом»), либо как реализация лозунга «Азия для азиатов», которая угрожала колониальным владениям западных метрополий. Однако такой компонент «желтой опасности», как «пан-азиатизм» – миф, понимавшийся на Западе как идеологическое, культурное и религиозное порабощение христианской цивилизации нехристианской, до сих пор изучен недостаточно. Данная статья является попыткой восполнить этот пробел в изучении русско-японского конфликта начала XX в., другими словами – проследить столкновение на идейно-пропагандистском поле двух «выдуманых реальностей».

На рубеже XIX–XX вв. в светских и религиозных кругах Запада звучали предсказания скорой добровольной христианизации Японии, причем

6 См. статьи N. Shimazu, Y. Kato и T. Takemoto в двухтомном издании J. Steinberg, B. Manning, D. Schimmelpenninck van der Oye, D. Wolff, Sh. Yokote & others, eds., *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* (Leiden, Boston, 2005, 2007).

7 См.: Marcus B. Huish, ed., *Fifty Years of New Japan* (English version), compiled by Count Shigenobu Okuma, Vol. 2 (London, 1909) (главы: Tetsujiro Inouye, "Japanese Religious Beliefs: Confucianism"; J. Takakusu, D. Litt, "Japanese Religious Beliefs: Buddhism"; Yoichi Honda, Yakichi Yamaji, "Japanese Religious Beliefs: Christianity"); Joseph M. Kitagawa, *Religion in Japanese History* (New York, London: Columbia University Press, 1966); Hideo Kisimoto, ed., *Japanese Culture in the Meiji Era, Vol. II, Religion* (Tokyo, 1969); Murakami Shigeyoshi, *Japanese Religion in the Modern Century* (Tokyo, 1980); Kuwabara Takeo, *Japan and Western Civilization. Essays on Comparative Culture* (University of Tokyo Press, 1983); Ramon H. Myers, Mark R. Peattie, eds., *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945* (Princeton, N. J., 1984); Carol Gluck, *Japan's Modern Myths. Ideology in the Late Meiji Period* (Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1985) и др.

8 David Wolff, "Cultural and Social History on Total War's Global Battlefield," *The Russian Review* 1:67 (2008), p. 70.

9 См.: R. Valliant, "The Selling of Japan: Japanese Manipulation of Western Opinion, 1900–1905," *Monumenta Nipponica* 4:29 (1974), pp. 426–430.

ряд публичных внутри- и внешнеполитических акций самого официального Токио времен русско-японской войны превратил эти ожидания почти во всеобщую уверенность. В этой связи автор настоящей работы поставил перед собой и более частную задачу – попытаться дать ответ на вопрос, вынесенный в подзаголовок данной статьи, именно: насколько вероятным было превращение Японии начала XX в. в христианское государство?

Христианство в Японии предвоенного периода

Христианство начало распространяться в Японии во второй половине XVI в. Несмотря на гонения, которые сопровождались массовыми избиениями христиан и разрушением их храмов (в XVII в. принадлежность к этой религии рассматривалась в Японии как государственное преступление и жестоко преследовалась¹⁰), со временем христианство достигло здесь значительных успехов. В 1873 г. японское правительство, которое, как заметил историк Китагава, «не испытывало никакой любви к христианству»,¹¹ из политических соображений сняло официальный запрет на его исповедование в Японии, Конституция 11 февраля 1889 г. провозгласила в стране свободу вероисповедания. Плоды «миссионерского служения» христианских проповедников зримо проявились к рубежу XIX–XX веков. В предвоенный период и в годы самой русско-японской войны в Японии функционировали общины и миссии различных ветвей христианства.

Если в 1880 г. в Японии насчитывалось всего 30 тысяч христиан, то к началу войны 1904–1905 гг. одних ортодоксальных католиков здесь было уже порядка 90 тысяч, десять тысяч из которых проживали в столице, где был воздвигнут собор Св. Троицы. В 1891 г. существование этой общины утвердил папа Лев XIII – с епископатом в Токио и семинарией в Нагасаки. К концу века на территории Японии работало более тысячи иностранных миссионеров,¹² действовало 300 христианских церквей. Ассоциации христиан были представлены в центральных органах государственного управления и обладали законодательно закрепленным правом владеть и

10 Подробнее см.: George Elison, *Deus Destroyed. The Image of Christianity in Early Modern Japan* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973).

11 Kitagawa, *Religion in Japanese History*, p. 190.

12 По данным православного миссионера архимандрита Андроника, в 1899 г. католики-«паписты» располагали в Японии 610 миссионерами-иностранцами обоего пола, а протестанты – 727 (См.: *Архимандрит Андроник. В Японии* (Воспоминания и впечатления бывшего японского миссионера) // *Русский вестник*. Т. 291. 1904. Май. С. 75). Преподобный D. S. Spencer, говоря о 1902 г., сообщал о 229 первых и 789 вторых (Цит. по: Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к Известиям Восточного института. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С. 357).

управлять недвижимостью, включая земельную собственность. В те же годы появился Евангелический союз Японии, активно действовала ассоциация молодых христиан – YMCA.¹³ Толерантное отношение местных властей, а, главное, успехи в миссионерской деятельности дали повод главе местных ортодоксальных католиков, епископу Mugabure, в 1904 г. заявить, что, по его наблюдениям, «верхние классы японского общества все более и более склоняются к христианизации своей страны».¹⁴ Епископ южного Токио англичанин William Awdry, к тому времени проживший в Японии уже восемь лет, на страницах *C. M. S. Japan Quarterly* констатировал, что среди «ведущих государственных деятелей, военных и моряков» Японии также «немало христиан».¹⁵ Один из германских миссионеров тогда же подсчитал, что при набранных в этом отношении темпах спустя полтора столетия Япония естественным образом превратится в поголовно христианскую страну.

Само начало русско-японской войны как, объективно, конфликта нехристианского государства с христианским потенциально заострило вопрос о положении христианства в Японии в идейно-политическом плане, но на деятельности адептов западного течения в нем в целом не отразилось. В 1904 г., в разгар войны новый глава Святейшего престола, Пий X, преобразовал токийский католический епископат в архиепископство, а в Осака, Нагасаки и Хакодате учредил собственные епископаты. В марте 1904 г. в Киото прошел патриотический митинг на тему: «Русско-японская война и христианство», большинство участников которого, католики и протестанты, выступили в поддержку войны.¹⁶ Критика войны с пацифистских позиций в среде японских христиан западного толка раздавалась, но шла «вторым планом», главным образом – в печатных выступлениях Утимура Канзо.¹⁷ В 1904 г. в Саппоро была возведена методистская церковь (одна из первых каменных построек в городе), спустя год в Иокогама состоялось освящение нового здания англиканской церкви, которая была построена на собранные в Японии средства,¹⁸ в июне 1905 г. закончено строительс-

13 Подробнее о деятельности в Японии западных миссионеров во второй половине XIX – начале XX вв. и об идейной полемике вокруг них см.: Honda et al., “Japanese Religious Beliefs: Christianity,” pp. 76–100.

14 *The Japan Times*, August 12, 1904, № 2241, p. 5 (Перепечатка из *Times*). Как сообщает J.-P. Lehmann, перспективу всеобщей христианизации Японии в беседе с немецким правоведом Фридрихом фон Гнейстом (F. von Gneist) член миссии принца Ивакура Томоми впервые обсуждал в Берлине еще в начале 1870-х годов. – См.: J.-P. Lehmann, *The Roots of Modern Japan* (London, Basingstoke, 1982), p. 243.

15 Цит. по: *The Times*, August 19, 1904, № 37477, p. 9.

16 Takemoto Tomoyuki, “Patriotic Recession: Kyoto Responds to War,” Wolff et al., eds., *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*, Vol. 2, p. 289.

17 См.: Ohata Kiyoshi, Ikado Fujio, “Christianity,” Kisimoto, ed., *Japanese Culture in the Meiji Era*, Vol. II, pp. 289–291; Myers, Peattie, eds., *The Japanese Colonial Empire*, pp. 72–73.

18 *The Japan Times*, March 11, 1905, № 2414, p. 3.

тво епископальной церкви в токийском Сибасаки-чо. В мае 1905 г. императорская чета пожертвовала YMCA 10 тысяч иен «за отличную работу в армии» ее санитаров, просветителей и других добровольцев,¹⁹ тогда же в Арима состоялась годовичная конференция американских баптистов, на которой были представлены все их девять японских «пунктов» (от Отару на севере до Симоносэки на юго-западе страны), а в церкви токийского Азабу – аналогичное собрание канадской миссии методистов.²⁰

Восточная ветвь христианства начала распространяться в Японии значительно позднее западной – со второй половины XIX в. Первая православная церковь была открыта в 1858 г. при русском консульстве в Хакодате, в 1875 г. состоялось рукоположение в священнический сан первого японца, самурая по рождению²¹ и синтоистского священнослужителя по прошлой деятельности Павла (до крещения в 1868 г. – Такума или Такумаро) Савабэ. Гонения не обошли православных христиан – в 1872 г. власти Хакодате и Сэндая начали их притеснять, но, по распоряжению Токио, вскоре прекратили преследования. Император Японии, сообщал из Токио иеромонах Владимир (В.Г. Соколовский) в редакцию *Московских ведомостей* в 1879 г., относится к православию весьма благосклонно.²² В 1888 г. С.О. Макаров, в недалеком будущем крупный российский военноморской деятель, посетив Японию на корвете «Витязь», в частном письме тепло отзывался об обеде в токийской духовной миссии, на которой ему выпало побывать и которую на японском языке и для японской паствы при двух хорах японских певчих служил японец о. Павел Сато. Рассуждая о перспективах христианства в Японии, будущий вице-адмирал и командующий русской Тихоокеанской эскадрой высказал предположение, что «к характеру и образу правления» этой страны более других подходит именно православие:

«Католицизм едва ли может быть принят Японией, ибо он нейдет к жизни этой страны и ее нравам. Для японского народа латинский язык совершенно чужд, а высшие государственные сановники не пожелают связывать себя подчинением верховному вождю, проживающему на противоположном конце земного шара... Протестантское вероисповедание имеет больше шансов на успех, но государственные люди Японии не могут не видеть, что это вероисповедание поведет к распадению на

19 *The Japan Times*, May 7, 1905, № 2461, p. 2. Это акция была явно рассчитана на пропагандистский эффект – например, матросам легендарного броненосца «Микаса», пострадавшим во время разрушительного пожара на судне осенью того же года (броненосец взорвался и затонул в Сасэбо), императорская семья пожертвовала второе меньшую сумму.

20 *The Japan Times*, May 29, 1905, № 2480, p. 6; June 23, № 2502, p. 6.

21 По данным Наганава Мицуо, первыми новообращенными православными японцами в основном были самураи из клана Сэндай экономически слабо развитой провинции Тохоку.

22 Цит. по: Гавриков А.А. Святитель Николай и его «Письма из Японии»: по страницам «Московских ведомостей» // Восток. Афро-азиатские общества. 2007. № 5. С. 130.

секты... Православное вероисповедание не влечет за собой подчинения какому-нибудь духовному лицу, не проживающему в самой стране, равно как оно не ведет и к вмешательству постороннего политического элемента в государственном отношении. С точки зрения политической, нам русским безразлично, примет ли Япония православие или нет. Наша программа заключается в том, чтобы совершенно не вмешиваться во внутренние дела дружественной нам соседки... Православие может дать Японии живую внутреннюю силу и упрочить в ней консервативные принципы, столь необходимые для прочности ее благосостояния в будущем. Как друзья японцев, мы могли бы радоваться всякому шагу их в этом направлении. Для нас было бы приятно и лестно иметь соседку, единоверную с нами, но не наше дело тянуть ее в эту сторону».²³

Корреспондент Макарова, опустив имя автора, но с его ведома опубликовал его письмо в центральной российской прессе, затем оно вышло отдельной брошюрой и, по свидетельству современника, «получило довольно большое распространение особенно в церковных сферах петербургского общества».²⁴ Спустя два года, в своей «Исторической характеристике» Японии знаменитый русский философ Владимир Соловьев предрекал «нужду» этой страны не в буддизме, а именно в христианстве. «Японский народ вообще все больше и больше близится к принятию христианства, – вторил ему в самом конце XIX века исследователь православного миссионерского движения С.А. Архангелов, – ...Будущее, таким образом, подает надежды на торжество православия в Японии».²⁵ На «восприимчивость и живость к христианству» японцев указывал и один из ближайших сподвижников епископа Николая.²⁶ Так начал зарождаться миф о вероятной (или даже неизбежной) христианизации Японии в будущем. В последующем появлении и широком распространении этой «выдуманной реальности» в мире немалую роль сыграл и сам официальный Токио – из сиюминутных, конъюнктурных политических соображений.

Если в 1871 г. православных японцев было немногим более ста, в 1876 г. – чуть более тысячи, в 1880 г. – шесть тысяч, то к началу русско-японской войны их число приблизилось к 30 тысячам, по всей стране они образовали 260 общин. Собственностью японской православной церкви был монументальный храм Христова Воскресенья вместимостью в полторы тысячи верующих, построенный в 1884–1891 гг. на холме Суругадаи в центре столицы,²⁷ 96 церквей по всей стране, несколько школ и училищ в Токио, Киото, Осака и Хакодате, семинария, иконописная мастерская, в

23 Цит. по: Шуберт К. Адмирал С.О. Макаров // Книга о Порт-Артуре. Дайрэн, 1940. С. 84–86.

24 Там же. С. 82.

25 Архангелов. Наши заграничные миссии. С. 71–72.

26 Архимандрит Андроник. В Японии. С. 91.

27 Архимандрит Андроник сообщает, что его постройка обошлась русской казне в без малого 350 тыс. руб. – См.: Там же. С. 81.

которой, отучившись в Италии и Петербурге, работала японка Ямасита Рин (в крещении Ирина), и типография. В 1880–1912 гг. миссия издавала двухнедельный *Сэйкё Синпо* [«Православный вестник»], а в 1892–1907 гг. – женский литературно-просветительский ежемесячник *Уранисики* [«Скромность»] и *Син-кай* [«Духовное море»].²⁸ Формально православные общины Японии были независимы от официального русской церкви, но их руководитель Николай Токийский²⁹ одновременно являлся начальником русской православной миссии и в этом качестве был так же подотчетен в своей деятельности петербургскому Святейшему Синоду, как католические иерархи Ватикану. Хотя сто пятьдесят тысяч христиан (по общему счету) составляли всего треть процента населения 45-миллионной Японии с ее 20-миллионной армией буддистов и синтоистов, усилия христианских миссионеров получили высокую оценку современников-единоверцев. «История героической борьбы русских миссионеров и достигнутые ими результаты, – писала в 1904 г. нью-йоркская газета *Public Opinion*, – могут соперничать с нашими протестантскими и католическими миссиями».³⁰

РПЦ и оценки ее деятельности на Дальнем Востоке зарубежной общественностью

По мере обострения интересов великих держав на Дальнем Востоке в деятельности православных миссионеров и священнослужителей в регионе западные аналитики все чаще начали усматривать не только конфессиональную, но и культурно-политическую составляющую с далеко идущими и потенциально опасными последствиями. По выражению той же американской газеты, они явились «одним из главных факторов цивилизаторской деятельности России» в отношении азиатских народов. По мнению сторонника дальнейшей территориальной экспансии США, сенатора от штата Индиана А. J. Beveridge'a, в этом именно и заключалась опасность «русского наступления» на Восток (этому вопросу он посвятил одноименную книгу, вышедшую в марте 1904 г.). Ничто в большей степе-

28 Naganawa Mitsuo, "The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era," Rimer, ed., *A Hidden Fire*, pp. 161–163; Архангелов. Наши заграничные миссии. С. 51–52.

29 Николай Токийский (1836–1912) – из семьи сельского дьякона (согласно прижизненно и неоднократно опубликованным данным, выходец из древнего княжеского рода, до пострижения князь И.Д. Касаткин-Ростовский). Окончил Смоленскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. В монашестве (1860) Николай. В качестве православного миссионера впервые приехал в Японию (в Хакодате) в 1861 г., с 1870 г. начальник православной миссии, в 1872 г. переехал в Токио, с 1880 г. епископ, с 1906 г. архиепископ. В 1970 г. причислен к лику святых как Св. Николай Японский. За полвека своего миссионерского служения обратил в православие свыше 30 тысяч японцев.

30 Цит. по: *The Japan Times*, April 2, 1904, № 2128, p. 5.

ни не доказывает «постоянства русской оккупации Маньчжурии», писал сенатор после посещения России и Маньчжурии, «как появление здесь русских церквей»; «в этом – ключ к объяснению успехов России в колонизации Востока».³¹ Его книга получила значительный общественный резонанс не только на Западе, но и в Японии.

Отмечая застылый догматизм и религиозную нетерпимость официальной русской церкви, ее «гнилость и коррумпированность», современные иностранные наблюдатели характеризовали ее как неотъемлемую часть архаичного российского истеблишмента (церковь в России возглавляет сам император, не уставали напоминать читателям газеты), подчеркивали ее стремление, опираясь на власть, насильственно русифицировать «инородцев» и представителей других, неправославных конфессий внутри самой империи.³² Порочность такой практики сознавали и в самой России. «Закон гражданский ... вместо охранения Церкви, только растлевает ее духовную целостность, – говорил видный представитель либерального лагеря М.А. Стахович на миссионерском съезде в Орле в сентябре 1901 г. – Если Церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы... Во имя Церкви надо высказать, что насилие над совестью бессовестно».³³ В следующем году в столичных церковных кругах открыто заговорили о необходимости отделения церкви от государства,³⁴ весной 1905 г. обращение части петербургского духовенства к митрополиту Антонию на этот счет напечатал даже *Церковный вестник*; 17 апреля того же года «с высоты престола» было объявлено о необходимости прекращения преследований по религиозным делам (на «неуклонное соблюдение властями заветов веротерпимости» впервые указывалось еще в царском манифесте от 26 февраля 1903 г.). Однако сама церковь с трудом поспевала за новыми веяниями, религиозной догматики они вообще не коснулись.

В годы войны масла в огонь критики официального православия и опасений, связанных с его миссионерской деятельностью на Дальнем Востоке, подлили воинствующие ортодоксы, которые со страниц клерикальной печати (в газетах *Странник*, *Русский паломник* и др.) писали

31 Albert J. Beveridge, *The Russian Advance* (New York, London, 1904), pp. 5, 33, 35.

32 См., напр.: Carl Joubert, *Russia as It Really Is* (London, 1904). Цит. по: *The Japan Times*, August 12, 1904, № 2241, p. 4; Rev. F. E. Hagin, *Russia and the Russians* (Tokyo, 1904). Цит. по: *The Japan Times*, August 6, 1904, № 2236, p. 6.

33 Цит. по: Протоиерей В. Рожков. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 29.

34 Весной 1902 г. официальный орган Московской духовной академии *Богословский вестник* опубликовал на этот счет статью профессора-канониста А.С. Павлова. Этот же вопрос поднимался на религиозно-философских собраниях, проходивших в Петербурге в 1901–1903 гг. Подробнее о них см.: Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. Материалы Всероссийской конференции. СПб., 2006.

о «распространении православия по всему миру» как о миссии, возложенной на Россию «свыше». В своем послании «возлюбленным чадам», опубликованном в начале 1905 г., Святейший Синод подчеркивал, что «Россия ведет с язычниками кровопролитную войну за свое историческое призвание насадительницы христианского просвещения на Дальнем Востоке».³⁵ Эти и подобные суждения находились в резком противоречии со взглядами руководителя японских православных, который в годы войны призывал свою паству «молиться Богу, чтоб Он даровал победы вашему императорскому войску, благодарить Бога за дарованные победы, жертвовать на военные нужды, кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни сражаться не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотечественникам».³⁶ Это свое февральское (1904 г.) «окружное письмо» православный токийский епископ направил и «во все редакции здешних газет».³⁷

Выступления руководителей российской православной церкви попадали в мировую, а затем и в японскую прессу,³⁸ еще более компрометируя РПЦ и всю Российскую империю в глазах как западного сообщества, так и подданных микадо.

«Даже сейчас, во время войны, русская православная церковь, основанная в Токио царским Святейшим Синодом, терпима и защищена и русский о. Николай проводит обычную церковную службу с японской паствой. В то же время, клерикальная газета *Русский паломник* учит своих читателей за Уралом, что “японский император есть Антихрист” и что “поэтому задача Святой Руси воевать с ним”, – писал весной 1905 г. знаменитый американский исследователь Восточной Сибири George Kennan, в годы войны работавший в Токио корреспондентом *Outlook*. – ... Какую страну в таком случае следует считать цивилизованной и христианской – Японию, которая терпимо относится к церкви и защищает ее от ее врагов в собственной столице, или Россию, называющую микадо “Антихристом” и призывающую своих граждан именем Бога истреблять японцев – “ханаанцев двадцатого века”?»³⁹, цитировал он *Церковный вестник*.

35 Новое время. 15(28) января 1905. № 10367. С. 5.

36 Цит. по.: Накамура Кэнносукэ (сост.). *Дневники Святого Николая Японского*. СПб., 2004. Т. 5. С. 16–17.

37 Характерно, что в светской России такая позиция японского православного архипастыря нашла понимание. «Мы должны благоговейно приветствовать святителя, который поднялся над злобою этого дня не во имя государственного безразличия, которым болеют у нас иные в России, – писал в октябре 1904 г. консервативный *Русский вестник*, – а во имя любви к своим духовным детям (православным японцам), во имя деятельной христианской любви, требующей самоотвержения». – Драганов П. Русский язык в японских учебных заведениях и русские писатели в японском переводе // *Русский вестник*. Т. 293. Октябрь 1904. С. 452–453.

38 См.: *The Japan Times*, September 8, 1904, № 2264, p. 6.

39 *The Japan Times*, April 2, 1905, № 2432, p. 4. Перепечатка из *Outlook*.

Схожим образом ситуацию комментировали и религиозные деятели Запада. В докладе «Величайшая война в мире», прочитанном в мае 1904 г. на годичном конгрессе пресвитерианских обществ в Чикаго, преподобный W. I. Darby (по газетному отчету) «заявил, что победа Японии будет большим благом для христианства и цивилизации, поскольку она входит в цивилизацию дольше и увереннее, нежели Россия».⁴⁰ «Почему наши симпатии находятся на стороне язычников, а не братьев по вере? ... Что, по христианской идее, связывает людей? Имя, раса или кровь?» – спрашивал себя питтсбургский *Methodist Recorder* в августе 1904 г. и, напомнив о притеснениях евреев в России, отвечал: «В основе взаимной притягательности наций лежат разум и высокие нравственные чувства», присущие не России, а Японии.⁴¹ «В прямоте, проявленной в ходе предвоенных переговоров, в самообладании во время оскорбительных дипломатических провокаций, наконец, по поставленным перед собой целям и по гуманному и внимательному отношению к своим пленным, – подхватывал ту же ноту *Colombo Observer*, – Япония проявила себя более христианской страной, нежели Россия, и заработала больше симпатий людей доброй воли, чем ее огромный противник».⁴² На то же в качестве одного из важнейших моральных приобретений первого года войны в англоязычной японской печати обратил внимание преподобный J. H. De Forest, многолетний баптистский миссионер в Сэндае.⁴³ Логическую точку в рассуждениях на эту тему поставил John H. Hukes, с 1870-х годов представитель американского Библейского общества в странах Востока. В мае 1904 г. на заседании Генеральной ассамблеи Объединенной пресвитерианской церкви в Гринвилле (штат Пенсильвания) он заявил: «Япония, хотя и неосознанно, сражается за христианство. От ее успеха или неудачи зависит успех или неудача англо-саксонского начала (principle). Где развивается Union Jack и звездно-полосатый флаг, там есть гражданская и религиозная свобода. Там же, где управляет Россия, миссионерская и библейская работа затруднена, даже опасна».⁴⁴

40 *The New York Times*, May 16, 1904, № 16962, p. 5.

41 Цит. по: *The Japan Times*, August 12, 1904, № 2241, p. 6.

42 Цит. по: *The Japan Times*, July 31, 1904, № 2231, p. 5.

43 *The Japan Times*. February 4, 1905, № 2385, pp. 3, 6. До этого в японо- и англоязычных периодических изданиях, выходивших в Японии, De Forest доказывал, что Россия «употребляет религию для укрепления оков тирании и невежества» и что русское христианство как «слуга деспотизма» «есть обман и позор христианского имени». – Цит. по: Накамура (сост.). *Дневники Святого Николая Японского*. Т. 5. С. 41–42.

44 Цит. по: *The New York Times*, May 27, 1904, № 16972. Комментируя подобные высказывания протестантских миссионеров и их печатных органов, даже такой искренний почитатель Японии, как немецкий врач Эрвин Бэльц нашел их «положительно омерзительными»: «Из этих самых уст мы слышали *ad nauseam* (до отвращения. – Лам.), что только христианская нация может проявлять высокие моральные качества. Теперь те же лицемеры готовы, будучи христианами, приветствовать языческое государство». Более одобрительно доктор Бэльц отзывался о католических миссионерах

В общем, появление российского актора на дальневосточном конфессиональном «поле» и его очевидные успехи в странах Дальнего Востока по многим причинам не внушали особого оптимизма ни политикам, ни религиозным деятелям Запада. По мысли авторов цитированных высказываний, их предостережения должны были всерьез обеспокоить Токио. Несмотря на это, практических шагов со стороны японского правительства в предуказанном направлении не последовало, скорее наоборот.

Политика Токио в «христианском вопросе» в Японии и в Корее

С началом русско-японской войны посланник барон Р.Р. Розен и все сотрудники российского дипломатического представительства выехали из Японии, но начальник православной миссии отказался выполнить распоряжение Святейшего Синода и пожелал остаться, «находя невозможным оставлять японскую православную церковь без епископа».⁴⁵ В первые месяцы вооруженного конфликта русская пресса сообщала о разрушении японцами православных церквей как в Маньчжурии, так и в самой Японии, например, – близ Иокогамы в ночь на 21 марта 1904 г.⁴⁶ Утеснения православных местными властями и стычки с населением отмечались по всей стране: в марте – в Яманаси (непрерывные допросы и выяснения, «не изменники ли и русские шпионы они?»⁴⁷), в Минато (толпа едва не разрушила здешнюю церковь) и Исиномаки (камнями разбиты стекла храма), в апреле – в Каяма (разрушен дом христианина, а сам он избит) и т.д.⁴⁸ По словам современного японского историка, правительство с тревогой наблюдало за накалом патриотических страстей внутри страны, понимая, что «рост ксенофобной активности» может нанести вред дружелюбному отношению к Японии западного сообщества.⁴⁹

Однако вскоре ситуация изменилась. В конце апреля в беседе с неназванным газетой «видным представителем одного из христианских исповеданий»⁵⁰ премьер-министр граф Кацура Таро заявил, что «японское

в Японии, которые «в целом с сожалением взирают на успехи Японии». – Toku Baelz, ed., *Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz* (Bloomington and London, Indiana University Press, 1974), pp. 280–281.

45 Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81. СПб., 1904. С. 790.

46 Новое время. 25 марта (7 апреля) 1904. № 10078. С. 2.

47 Исследователь японской православной церкви Наганава Мицуо выяснил, что первую попытку спровоцировать самого владыку Николая на участие в шпионской «истории» японские власти предприняли еще в декабре 1903 г. Как и все последующие, она провалилась. – См.: Naganawa, “The Japanese Orthodox Church,” p. 164.

48 См.: Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 35, 37, 56–57.

49 Takemoto, “Patriotic Recession,” p. 285.

50 По сведениям о. Николая Токийского, собеседником премьера тогда выступил первый японский методистский епископ Хонда Ёити, член Евангелического союза Японии. – Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 75.

правительство гарантирует свое покровительство всем вероисповеданиям» и «иностранным миссионерам война не угрожает никакой опасностью». «Настоящая война, – пояснил глава токийского кабинета, – не есть война между христианством и язычеством и религиозные вопросы не играют в ней никакой роли».⁵¹ Это заявление министра-президента сразу перепечатала *Japan Daily Mail*, а затем и протестантские газеты Японии. В майском (1904 г.) интервью газете *Kokumin* премьер высказался на этот счет более подробно:

«Среди множества вещей, особо беспокоивших меня с началом русско-японской войны, ... были коллизии, которые проистекают из расовых и религиозных различий между моими соотечественниками и иностранцами и которые могли помешать правительству осуществить свои действительные намерения, а нации достичь намеченных ею целей.⁵² По этой причине кабинет через министра внутренних дел предписал местным властям обеспечить должную защиту русским в нашей стране;⁵³ министр просвещения, со своей стороны, также направил соответствующие указания провинциальным органам образования».

Комментируя эти высказывания, редакция японской газеты призвала «всех соотечественников-христиан, иностранных миссионеров и священнослужителей» поверить данным обещаниям, отбросив «сомнения и опасения».⁵⁴ Спустя три недели еще более пространное интервью по профессиональным вопросам, но уже рассчитанное на западную аудиторию,

51 Новое время. 24 апреля (7 мая) 1904. № 10108. С. 2. Перепечатка из *Daily Chronicle*.

52 Позднее, выступая в нью-йоркском *Society for Ethical Culture*, барон К. Канэко эти опасения токийского кабинета сформулировал более определенно: «Мы начинали эту войну, ... ясно понимая, что будем сражаться не с одними москвитями, но, под влиянием их возмутительных рассказов, нам будут противостоять религиозные и расовые чувства. Ни одна нация еще никогда не была вовлечена в столь душераздирающий конфликт» – Цит. по: *The Japan Times*, April 26, 1905, № 2451, p. 6.

Канэко Кэнтаро (1853–1942) – из самурайской семьи, барон (1900), виконт (1907), граф (1934). В 1871–1878 гг. учился в США (в Гарварде), с 1880 г. секретарь японского Сената (*Genroin*), участник разработки Конституции 1889 г., в 1885–1886 гг. личный секретарь премьер-министра Ито Хиробуми, с 1890 г. член Палаты пэров парламента. В 1898 г. министр сельского хозяйства и торговли, в 1900 г. министр юстиции Японии. С февраля 1904 г. по октябрь 1905 г. по заданию своего правительства находился в США со специальной пропагандистской миссией, участник мирных переговоров в Портсмуте. Широко публиковался в зарубежной англоязычной печати, дал огромное количество интервью, часто выступал с публичными речами перед американской аудиторией, прочитал в США свыше ста лекций.

53 Граф Кацура имел в виду февральский (1904 г.) циркуляр министра внутренних дел, в котором заключалось требование «обращаться с русскими, оставшимися в Японии, совершенно так же, как в мирное время, воздерживаться от всяких грубостей в отношении к ним и от всякой неприязни». – Цит. по: *Накамура* (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 29.

54 Цит. по: *The Japan Times*, May 6, 1904, № 2157, p. 6.

глава японского кабинета дал корреспонденту англоязычной токийской газеты *Japan Times*. Указав на реально существующую в его стране свободу совести и вероисповедания, граф Кацура от своего и микадо имени вновь подчеркнул, что происходящий конфликт «не есть война за превосходство одной расы или религии над другой», и гарантировал, что притеснений на религиозной почве в стране не будет допущено.⁵⁵

Действительно, в результате принятых властями мер, православные церковнослужители и верующие перестали подвергаться преследованиям, в Токио, Хакодате и других японских городах беспрепятственно действовали их храмы. В письме, опубликованном в *Новом времени* 13 июня 1904 г., епископ Николай констатировал, что японское правительство делает все, чтобы и он сам, и его паства находились в безопасности и могли чувствовать себя спокойно. В столице, сообщил он, здания миссии дено и ночью охраняют полиция и жандармерия, провинциальные власти получили предписание Токио действовать в том же духе. «Спасибо полиции, что охраняет Миссию; без нее бы давно уже беды наделали японские ultra-патриоты, – отметил в своем дневнике глава японской православной церкви. – ... Вообще, японское Правительство делает все, что только можно, для охраны Миссии».⁵⁶ Правда, на православных японцы повсеместно продолжали смотреть как на чужаков, и в глухих деревнях, вне пределов досягаемости властей, если они, хотя только по религиозным соображениям, отказывались молиться за победу японского оружия традиционным способом, односельчане их жестоко избивали.⁵⁷

Письмо владыки Николая в петербургскую газету с видимым удовлетворением перепечатала и японская англоязычная пресса.⁵⁸ Одновременно она продолжала пристально следить за настроениями в Ватикане, посвящая их анализу пространные статьи.⁵⁹ Сам Святейший престол занял подчеркнуто нейтральную и миролюбивую позицию. По сообщению *Petit Parisien*, в беседе с токийским епископом Пий X подтвердил, что за несколько дней до начала военных действий «употребил все свое влияние, чтобы убедить царя поддерживать мир в духе Гаагской конференции, инициатором созыва которой он был», однако Николай II вежливо, но твердо ответил, что война «уже неизбежна».⁶⁰ В годы самой войны Ватикан выступал с призывами к ее скорейшему окончанию. 15 сентября 1905 г., через несколько дней после подписания Портсмутского договора, Пий X направил в Токио своего специального представителя (портландского

55 *The Japan Times*, May 28, 1904, № 2176, pp. 3, 6.

56 Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 7, 19.

57 См.: Naganawa, "The Japanese Orthodox Church," p. 167.

58 См.: *The Japan Times*, July 27, 1904, № 2227, p. 2.

59 См., напр.: "Has the Pope a New Policy?" *The Japan Times*, August 4, 1904, № 2234, p. 4; "The Vatican and Japan," *The Japan Times*, August 12, 1904, № 2241, p. 5. Перепечатка из *Public Opinion*.

60 Цит. по: *The Japan Times*, August 12, 1904, № 2241, p. 5.

епископа О'Connell'a) для принесения микадо поздравлений с «великодушным миром» и благодарности «за обращение с римскими католиками в Японии».⁶¹ В бытность в Токио папский посланник получил для передачи в подарок Ватикану право собственности на земельный участок площадью в 30 тысяч *цубо* специально для постройки на нем католического храма.⁶²

Военные власти Японии также демонстрировали уважительное отношение к христианству, хотя и строго адресное – «на экспорт». Например, православных судовых священников, попадавших в плен вместе с экипажами русских военных кораблей, как правило, отпускали на родину. Весной 1904 г., в ответ на «духовные запросы» собственных военнослужащих-христиан в маньчжурскую армию из Токио были направлены шесть американских и британских миссионеров-евангелистов и шесть японских христианских священников, о чем граф Кацура не преминул сообщить во всеобщее сведение в своем упомянутом выше майском интервью англоязычной газете.⁶³ Власти не препятствовали распространению библейских текстов в переводе на японский язык среди японских солдат и в самой Японии (см. Рис. 1). После оккупации Кореи японскими войсками здешние западные миссионеры, несмотря на обеспокоенные призывы своих правительств, отказались покинуть страну, поскольку, как выразилась в частном письме из Сеула женщина-миссионер американка Eva H. Field, японские военные, пусть даже только подчиняясь армейской дисциплине, ведут себя «как настоящие христианские джентльмены».⁶⁴

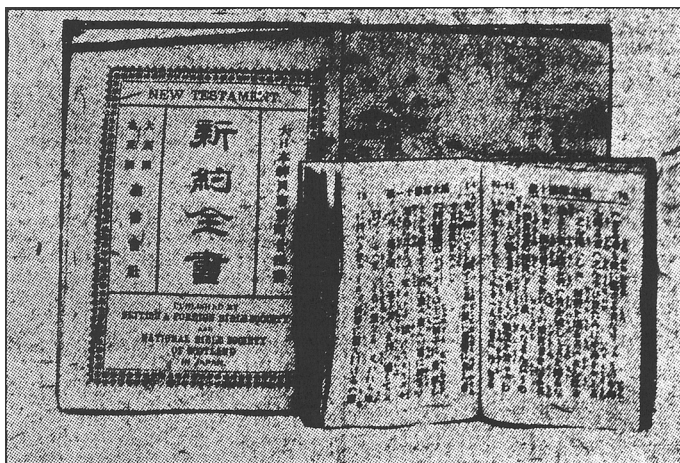

Рис. 1. Фотография из *New York Times* (June 5, 1904, Sunday Supplement, p. 1) с подписью: «Новый Завет для японских солдат. Подарок британского Библейского общества японским солдатам, которые теперь сражаются с Россией. Библия раздавалась в войсках во время их отправки из

61 Цит. по: *The Japan Times*, September 15, 1905, № 2574, p. 3.

62 *The Japan Times*, November 21, 1905, № 2629, p. 2. Один *цубо* равен 3,3 кв м.

63 Первоначально японские военные планировали послать в Маньчжурию только буддийских и синтоистских священнослужителей. Чтобы в состав этой группы вошли также и христиане, потребовалось вмешательство британского посланника и хлопоты министра иностранных дел (См.: *The New York Times*, June 25, 1904, № 16997, p. 2). Эту подробность граф Кацура в своем интервью опустил.

64 *The New York Times*, March 17, 1904, № 16911, p. 2. – Из письма E. Field из Сеула в Чикаго от 14 февраля 1904 г.

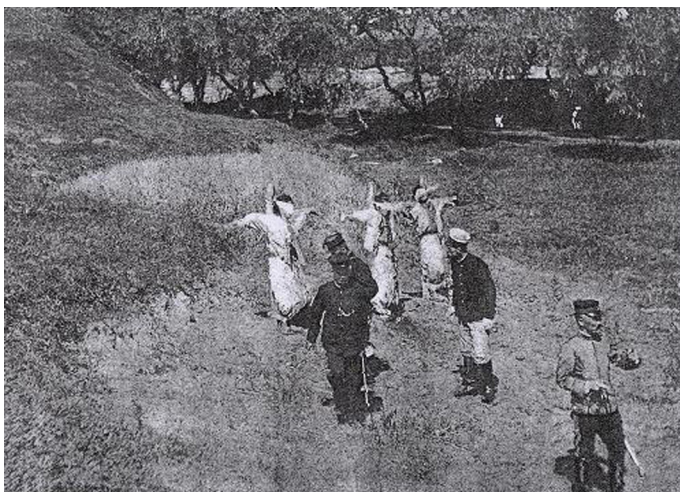

Рис. 2

Зато корейская туземная печать, ранее выказывавшая сочувствие обеим конфликтующим сторонам (в январе 1904 г. Корея официально заявила о своем нейтралитете), с прибытием японских оккупационных войск, по словам современного американского исследователя Andre Schmid'a, не только стала выступать «с энер-

гичными призывами к региональному и расовому единению, на чем настаивала Япония», но и начала освещать войну «как конфликт белой России против желтой Японии, от исхода которого зависит, выживут желтые народы или будут уничтожены».⁶⁵ Как видим, адресуясь азиатской аудитории, японская пропаганда оперировала совершенно иными, чем на Западе, категориями. Исходя из этих постулатов, перед расстрелом заподозренных в шпионаже в пользу России или в диверсиях корейцев, независимо от их религиозной принадлежности, японские солдаты распинали на крестах,⁶⁶ а фотоснимки этих сцен оккупационные власти тиражировали – в назидание и устрашение, конечно, не западной, а азиатской аудитории (см. Рис. 2). В ответ корейские патриоты демонстративно принимали христианство. Один из активистов антияпонского движения Yi Il-sik был арестован японской жандармерией в середине марта 1905 г. близ французской католической церкви Сеула, где, став католиком, поселился под христианским именем.⁶⁷ После насильственного превращения Кореи в японский протекторат в ноябре того же года, отмечают современные российские исследователи, здешние японские власти способствовали активизации деятельности буддийских монахов в Корее, дабы противопоставить буддизм не только христианству, но и национальным верованиям – тонхак.⁶⁸ Антизападной направленности туземная печать, контролируемая Японией, продолжала придерживаться и впоследствии: «Сегодня

65 Andre Schmid, *Korea between Empires, 1895–1919* (New York, Columbia University Press, 2002), p. 92.

66 Возможно, в этом сказалось и влияние средневекового японского обычая распинать перед казнью уголовных преступников.

67 *The Japan Times*, March 16, 1905, № 2418, p. 3.

68 Тягай Г.Д., Пак В.П. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века. М., 1996. С. 32–33.

раса борется с расой», писала сеульская газета *Tai Kan Nippo* в сентябре 1907 г., призывая соотечественников верить своим почти единоплеменникам-японцам, а не белым – представителям «враждебной расы». ⁶⁹

КОНТРОПРОПАГАНДА ПЕТЕРБУРГА И РЕАКЦИЯ ЗАПАДА

Российские дальневосточные представители от лица подконтрольных им органов англоязычной региональной печати также широко распространяли снимки распятых казенных, сделанные японцами в Корее, но рассылали их в редакции газет, в общественные и религиозные организации уже христианских стран, сопроводив их следующим язвительным комментарием на английском языке:

«Утонченный японский призыв к поддержке и сочувствию, обращенный ко всем нациям “желтой угрозы”, против европейской цивилизации и особенно христианства. Эти казни были совершены 15 сентября 1904 г. в Сеуле японскими властями. Фотографии сделаны японским фотографом из Чемульпо, где их можно купить за несколько центов». ⁷⁰

Одновременно российская пропаганда стремилась убедить своих сограждан и весь христианский мир в несовместимости христианских морально-этических ценностей как с внешне «озападной» Японией, так и со всей ее исконной культурной традицией. Пока в петербургских салонах спорили, можно ли считать Японию цивилизованной страной в европейском смысле и не является ли конфликт с ней войной «против культуры», в проправительственной печати распространялись представления о том, что японская государственность основана на «языческой идее, что император есть Бог», а вся культура островной империи не более, чем «манерность, вымученность и экзотичность», заимствованные у соседнего Китая («в способности копировать японцы не имеют себе подобных») и не одухотворенные гуманными идеалами христианства. ⁷¹

«Япония, в которой четверть века назад закон предписывал распиливать неоплатного должника на части бамбуковой пилой; в которой до сих пор семейная женщина стоит на столь же низкой ступени, как у кафров; которая только 35 лет тому назад выскочила из тисков самой бессмысленной и самой грубой теократии... Япония и культура!»,

– патетически восклицало *Новое время* в 1904 г. ⁷²

69 Цит. по: F. A. McKenzie, *The Tragedy of Korea* (London, 1908), p. 215.

70 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 143 (Китайский стол), оп. 491, д. 2985, л. 25. Фотографии казенных корейцев, распятых на крестах. Типографская печать.

71 См.: Сыромятников С. Заметки писателя // Новое время. 21 марта (3 апреля) 1904. № 10074. С. 3.

72 Новое время. 7(21) мая 1904. № 10121. С. 2.

На страницах российской периодической печати русские публицисты делились собственными впечатлениями от посещения Страны Восходящего Солнца, выступали с обзорами книги "Things Japanese" (1890) В. Н. Chamberlain'e'a, сочинений Е. Satow'a, Rein'a, Анри Дюмолара,⁷³ Г. де-Воллана, В.Г. Астона и других иностранных дипломатов, ученых, путешественников и исследователей Японии. С сочувствием, а нередко и с симпатией отзываясь о самой стране и простых ее жителях («мы воюем не с народом, – писала С. Смирнова. – Наш враг – это японская интеллигенция, это юристы, профессора, журналисты, военные и депутаты. Это потомки тех самураев, которые ... оставшись не у дел, занялись политикой»⁷⁴), русская консервативная и националистическая пресса акцентировала неприглядные стороны их жизни – отсталость, бедность и болезненность населения, высокую продолжительность рабочего дня, приниженность японской женщины, которая, по словам той же Смирновой, «занимает такое положение, что представляет скорее домашнюю утварь», широкую эксплуатацию детского труда и т.д. Японская пресса в полемику по этим вопросам с русской не вступала. Но когда в феврале 1905 г. некто «Миссионер», сославшись на лекцию в Mound City (штат Иллинойс) американской женщины-миссионера, вернувшейся накануне из Японии, в письме редактору поинтересовался, верно ли, что японские «отцы продают своих дочерей в возрасте 14 лет», «окреститься стоит пять долларов», а девочки-няньки в день «получают всего 1/20 часть цента (один rin)»,⁷⁵ *Japan Times* после недельного раздумья ответила большой редакционной статьей под названием «Две прогрессивные нации. Статус их женщин». Сравнивая их положение «по обеим сторонам Тихого океана» (т.е. в США и Японии), автор статьи признал неполноправие японских женщин, но выразил надежду, что японцы-мужчины, «при своем удивительном умении приспособ-

73 См.: Henry Dumoulaud, ancien professeur de droit français l'Université de Tokyo, *Le Japon politique, économique et social* (Paris, 1903).

74 Смирнова С. Японцы у себя дома // Новое время. 17(30) марта 1904. № 10070. С. 4. Еще раньше видный публицист К.А. Скальковский (1843–1906), также посетивший Японию, находил, что в эпоху Мэйдзи этот «рыцарский народ» стал жертвой недобросовестных западных дельцов и собственных недальновидных политиков (Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897. С. 474–479). О японцах как о народе «рыцарском, не выносящем высокомерия и политического двоедушия» писал в эти же годы и другой крупный русский специалист по дальневосточным делам, моряк-писатель и путешественник А.Я. Максимов, горячий сторонник тесного российско-японского сближения. В его описании Япония второй половины XIX в. – почти идеальное общество, все худшее в котором появилось под воздействием европейских «квази-цивилизаторов» и, отчасти, китайцев. – См.: Максимов А.Я. Наши задачи в Тихом океане. СПб., 1894. С. 57–78; он же. В Японии (из записной книжки моряка) // Максимов А.Я. Полное иллюстрированное собрание соч. Кн. 3. СПб., 1896. С. 199–229.

75 *The Japan Times*, February 22, 1905, № 2399, p. 6.

соблаяться (adaptability) к современным условиям», с течением времени «обеспечат прекрасному полу своей страны равенство по европейскому образцу».⁷⁶ Конфессиональных вопросов газета тогда сочла за благо не касаться.

«Европа не хочет видеть того, что наша война с Японией есть столкновение двух взаимно-непонимающих и подчас даже взаимоисключающих культур», – писало *Новое время* в передовице одного из своих январских (1905 г.) номеров. Ссылаясь на оценки профессора английской литературы Токийского университета Lafcadio Hearn'a (американца греческого происхождения), который именовал себя «японским поэтом» и которого сами японцы считали «наиболее компетентным “выразителем” (spokesman) Японии в англоговорящем мире»,⁷⁷ газета заключала:

«Под внешним лоском улыбок, церемоний и приседаний она [японская культура] хранит кровожадные инстинкты, не смягчаемые ни нашей этикой, ни какой бы то ни было национальной гуманной религией. Торжество японизма будет ужасным ударом для самых священных благ европейского уклада».⁷⁸

Российские православные деятели характеризовали традиционные японские верования как «жалкое», «мрачное» и «глупое идолопоклонство».⁷⁹ На плакатах для простонародья русские солдаты часто изображались ведомыми в бой православным священником с высоко поднятым крестом в руках;верху лубка помещалась фигура Спасителя, благословляющего с небес «христолюбивое воинство». С началом войны в светской российской печати проправительственного толка стали появляться рисунки с изображением поединка некоего, осененного нимбом, христианского рыцаря-европейца (в котором, впрочем, легко угадывался почитаемый в православном мире Георгий Змееборец) с драконом стилизованного монголоидного облика – символ грядущего торжества «светлого» христианства, предводительствуемого Россией, над «темным» языческим миром во главе с Японией (см. Рис. 3). Таково было графическое отображение цивилизационной миссии, выполняемой Россией на Дальнем Востоке якобы в интересах всего христианского мира. Во внутрироссийской пропаганде «языческий японизм» выполнял ту же функцию, что антиамериканский антисемитизм в годы Второй мировой войны в самой Японии, как и там

76 *The Japan Times*, March 1, 1905, № 2405, p. 4. Предвестником этой публикации явился обширный материал о японском женском образовании, который официальный англоязычный токийский альманах поместил в ноябре 1904 г. См.: *The Russo-Japanese War* [Tokyo], November 1904, № 5, pp. 567–583.

77 *The Japan Times*, December 21, 1904, № 2349, p. 6. Работы Hearn'a выходили и в России в русском переводе.

78 *Новое время*. 15(28) января 1905. № 10367. С. 4.

79 См., напр.: Архимандрит Андроник. В Японии. С. 72, 74.

Рис. 3

бывший в Новый Свет со специальной пропагандистской миссией (свое североамериканское турне он начал в Канаде⁸²); в июне с лекцией на ту же тему в лондонском Central Asian Society выступил ветеран российской журналистики, нововременский обозреватель Г.С. Веселитский-Божидарович (псевдоним «Аргус»). В этом духе свою и зарубежную общественность «подогревали» и сообщения российских военных властей из Маньчжурии. В мае 1904 г. мировую печать облетела сенсационная теле-

превратившись в часть ультранационалистической официальной риторики,⁸⁰ правда, с выраженной религиозной (православной) окраской.

Официальные представители России в государствах Запада призывали оказать поддержку их стране уже по одному тому, что она является «великой христианской нацией».⁸¹ Весной-летом 1904 г. в реальности «желтой угрозы» христианскому миру со стороны Японии американскую публику безуспешно убеждали посол граф А.П. Кассини и публицист и издатель князь Э.Э. Ухтомский, при-

80 См.: David G. Goodman, Masanori Miyazawa, *Jews in the Japanese Mind: The History and Uses of a Cultural Stereotype* (New York, 1995), p. 106.

81 Russia and the United States (from our own correspondent). New York, March 16 // *The Times*, March 17, 1904, № 37344, p. 3 (Отчет о публичном выступлении в Нью-Йорке российского генерального консула Лодыженского).

82 Выступая в российской печати под псевдонимом "Asiaticus", Ухтомский доказывал, что, будучи наполовину азиатской страной, Россия способна покорить всю Азию, которая встретит ее «с сочувствием»; в брошюре, написанной по случаю начала войны, он отрицал стремление Японии под лозунгом «Азия для азиатов» «направить возбужденный Восток против Европы» наряду с наличием панмонголизма как идейно-политического течения вообще (См.: Ухтомский Э.Э. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904). Но в феврале 1904 г., незадолго до отъезда в Америку, в интервью *Frankfurter Zeitung* князь позволил себе откровенно шовинистические выходки в адрес не только Японии, но всех азиатов вообще («желтые неравны белым», это «полулюди») и к изумлению цивилизованного мира пообещал, что «желтые будут не просто побеждены, а истреблены» (Цит. по: W. L. Courtney, ed., *The Fortnightly Review* (London, March 1904, p. 419). Этими высказываниями Ухтомский скомпрометировал в глазах Запада не только самого себя, но и царя – там было отлично известно, что князь находится с Николаем II в доверительных отношениях. Несмотря на это, пропагандистская поездка Ухтомского состоялась, но, как и следовало ожидать, закончилась провалом.

грамма генерала В.Е. Флуга. Ссылаясь на сведения русских разъездов и сообщения иностранных миссионеров, генерал-квартирмейстер полевого штаба наместника утверждал, будто в Tapadziatsi, в 160 милях к северо-западу от Мукдена под влиянием японской пропаганды китайцы готовят массовое побоище всех христиан: «Эти события должны коснуться не только России, но всего цивилизованного мира, поскольку есть основания опасаться, что восстание охватит и остальную часть Китая».⁸³ Хотя и до, и после этого в Китае действительно случались убийства католических и протестантских миссионеров (редко по религиозным мотивам),⁸⁴ предсказанная Флугом резня, к счастью, не состоялась.

В общем, в годы войны российская пропаганда стремилась превратить «христианский вопрос» в важный компонент жупела «желтой угрозы» всей западной цивилизации. Использование этого культурного стереотипа не имело в виду организацию какого-либо нового «крестового похода» против Японии или его подобия – объединить усилия западных держав в борьбе с «желтой опасностью» официальный Петербург явно не рассчитывал, но вызвать к себе симпатии христиан или, как минимум, их сочувствие, очевидно, стремился. Однако даже в чисто идейном плане сколько-нибудь заметного успеха российской пропаганде добиться не удалось, хотя, по свидетельству *Times*, «народившись в Петербурге с началом войны», «пугало желтой угрозы» было затем «с готовностью подхвачено Берлином», а в феврале 1904 г. «достигло и Парижа». Как раз накануне местная *Figaro* утверждала, что с Японией нельзя обходиться как с европейской – т.е. христианской – нацией, а в будущем она может «стать угрозой для Европы».⁸⁵ В марте *Berliner Tageblatt* выступила со статьей, в которой (в пересказе нововременского обозревателя) говорилось: «Война ставит на карту престиж не России, а всей Европы – ставит его на карту не в Японии, а во всей Азии. И победа Японии была бы ужасным ударом для всей белой расы».⁸⁶ Несмотря на такое единодушие, при сложившейся расстановке сил на международной арене об объединении христианских стран или даже их части против Японии не могло идти и речи. Максимум, чего в действительности могла опасаться островная империя даже в случае невероятного успеха российской пропаганды – это торгового бойкота со стороны европейских континентальных держав. На практике не случилось и этого.

83 *The New York Times*, May 15, 1904, № 16961, p. 1.

84 Например, в июле 1904 г. в Han-kow были убиты католические миссионеры епископ Verhaeghen с братом (*The New York Times*, July 25, 1904, № 17022, p. 1), в ночь на 12 апреля 1905 г. недалеко от Hangchow грабители смертельно ранили священника E.B. Kennedy (*The Japan Times*, April 28, 1905, № 2453, p. 6), в ноябре того же года в Лиенчоу провинции Куангтунг при невыясненных обстоятельствах погибли четверо американских миссионеров (*The Japan Times*, November 4, 1905, № 2615, p. 3.) и т.д.

85 *The Times*, February 18, 1904, № 37320, p. 3.

86 А.С. О слепоте английской политики // Новое время. 17(30) марта 1904. № 10070. С. 2.

В то же время, англоговорящий Запад, в первые месяцы войны охваченный ярким японофильством, в тайне опасался чрезмерного усиления Японии, а в ее военных успехах и активном проникновении в Корею и особенно в Китай ощущал потенциальную угрозу своим экономическим и политическим интересам. Высказывались тревоги и косвенного порядка. По свидетельству обозревателя *Spectator*, даже в стане верного союзника Японии, в Великобритании, многие были обеспокоены тем, что «первая в истории победа азиатского государства над западной державой» послужит примером для колониальных народов и в итоге приведет «к восстанию по всей Индии».⁸⁷ В этой связи бывший британский губернатор Пенджаба указал на безрассудство «радоваться поражению европейской державы от рук азиатской армии».⁸⁸ Ведущий внешнеполитический аналитик влиятельного британского общественно-политического альманаха *Fortnightly Review*, писавший под псевдонимом “Calchas”, еще в марте 1904 г. призывал общественное мнение своей страны осознать, что в случае «решительного успеха Японии, “желтая”, а не русская угроза станет на повестку дня всех великих держав за пределами Британской империи».⁸⁹

Дальнейшие триумфы японского оружия на суше и на море отозвались на Западе еще большим ростом интереса к проблеме «желтой угрозы» в разных ее ипостасях, включая «христианский вопрос», и в разном толковании. «Неожиданная демонстрация Японией своей военной мощи в ходе войны, – фиксировала в мае 1905 г. *Kokumin*, – вызвала алармистские тревоги на Западе».⁹⁰ В публичных устных выступлениях и на страницах крупнейших органов уже не только французской и немецкой, но также английской и американской печати о ней заговорили журналисты, обозреватели, видные политики, деятели культуры. «В случае

87 Цит. по: *The Japan Times*, August 17, 1904, № 2245, p. 4. Эти опасения были далеко небеспочвенны. Как указывает современный исследователь влияния русско-японской войны на общественные настроения в Египте и Индии, победа Японии была воспринята здесь как «смертный приговор европейским империям. Ополчившись на идею о “желтой угрозе”, которой оправдывалась европейская агрессия, местные газеты в Египте и Индии почти единодушно придерживались мнения, что теперь-то Япония покончит с “белой угрозой”». – Steven Marks. “‘Bravo, Brave Tiger of the East!’ The War and the Rise of Nationalism in British Egypt and India,” Steinberg et al eds., *The Russo-Japanese War in Global Perspective*, Vol. 1, p. 615 (в русском переводе: Русский сборник. Т. IV. М., 2007. С. 95–96).

88 Цит. по: Marks, “‘Bravo, Brave Tiger of the East!’,” p. 625.

89 Calchas, “The War and the Powers,” Courtney, ed., *The Fortnightly Review*, pp. 429–430. В начале 1905 г. “Calchas” у со страниц того же альманаха оппонировал не менее влиятельный (и также настроенный прояпонски) публицист Alfred Stead, по мнению которого, военные успехи Японии способствовали тому, что человечество «и теперь, и в будущем не будет знать расовых различий», а мир уже «превратился в единую общность» (цит. по: *The Japan Times*, April 13, 1905, № 2440, p. 5). Увы, последующие события мировой истории сокрушили этот тезис.

90 Цит. по: *The Japan Times*, May 4, 1905, № 2458, p. 2.

успеха, – объяснял барону К. Суэмацу⁹¹ корреспондент *Review of Reviews* в августе 1904 г. смысл одолевавших западноевропейцев опасений, – Япония объявит Китай, и 400 миллионов китайцев, организованные и вымуштрованные ею, провозгласят Азию для азиатов, и что тогда делать Европе?». ⁹² Во французских газетах появилась карикатура, на которой был изображен вооруженный самурайскими мечами японец, крадущийся к безмятежно спящим западноевропейским лидерам – один русский царь с револьвером в руке стоял настороже. С наиболее пессимистическим прогнозом о послевоенных судьбах японских христиан в печати выступил преподобный George Washington. На страницах *Living Church* этот парижский священник предрекал «вселенское бедствие»: «если победит Япония, это станет триумфом язычества; если она будет побеждена, неизбежны самые безжалостные в истории гонения последователей Христа – тысячи христиан будут умерщвлены, а все иностранные миссионеры изгнаны из пределов Японской империи». ⁹³ Эти тревоги совпали с очередным всплеском опасений «желтой угрозы», поразившим французскую печать осенью 1904 г. ⁹⁴

«Христианский вопрос» в пропаганде Токио в военные годы. Миф о христианизации Японии

В самом Токио более всего стремились избежать превращения русско-японской войны в мировую на базе страха Запада перед все той же «желтой угрозой». Еще на заседании 30 декабря 1903 г. члены японского кабинета министров высказывали опасение, что в случае, если к Японии в войне присоединится Китай, этот страх толкнет Францию, Германию и другие западноевропейские страны на вмешательство в конфликт на стороне России. ⁹⁵ Поэтому уже в ходе самой войны апокалиптическим предчувствиям Запада японская зарубежная пропаганда, с одной стороны, противопоставила настойчивые указания на духовную близость японской культуры и западной цивилизации (барон К. Канэко неоднократно

91 Суэмацу Кэнчю (1855–1920) – барон (1895), зять премьер-министра маркиза Ито Хиробуми, начинал журналистом газеты *Nichi-Nichi*, в 1878–1886 гг. работал в японском посольстве в Лондоне, одновременно учась в Кэмбридже. С 1890 г. депутат японского парламента, с 1896 г. член Палаты пэров, в 1898 г. министр коммуникаций, в 1900 г. министр внутренних дел Японии. С февраля 1904 г. по февраль 1906 г. по заданию своего правительства находился в Великобритании с пропагандистской миссией. Размах его пропагандистской деятельности в Европе не уступал масштабам работы барона К. Канэко в США.

92 Цит. по: *The Japan Times*, August 23, 1904, № 2250, p. 4.

93 Цит. по: *The Japan Times*, October 14, 1904, № 2294, p. 6.

94 См.: Valliant, “The Selling of Japan,” p. 426.

95 МИД Японии. 1969. Т. 1. С. 219 (на яп. яз.). – Цит. по: Valliant, “The Selling of Japan,” p. 421.

заявлял в печати, будто на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных⁹⁶) и опровержение тезиса о войне Японии с Россией, как о столкновении христианского государства с языческим, а с другой – стремилась всячески «дистанцировать» свою страну от Срединной империи. На страницах *Review of Reviews* барон К. Суэмацу подчеркивал отличия своей страны от Поднебесной, а бывший посланник в Петербурге Курино Синьитиро в интервью *New York Times* указал, что Китай рассматривает Японию в качестве своего «традиционного врага».⁹⁷ «Те, которые пугаются призраком “желтой опасности”, – заявил он же в беседе с корреспондентом *Berliner Tageblatt*, – очевидно не знают о той глубокой пропасти, которая разделяет две главные ветви желтой расы. Китай считает Японию своим смертельным врагом и когда почувствует себя достаточно сильным, он прежде всего нападет на нее».⁹⁸ В статье в *San Francisco Call* барон Канэко отметил, что никакой «желтой угрозы» Западу от Японии не может исходить вообще, поскольку «мы как нация быстро продвигаемся в сторону христианства».⁹⁹ Популяризация этих представлений составила главное содержание первого этапа деятельности японской пропаганды, адресованной Западу, в разработке христианской тематики. Этот этап длился примерно до середины лета 1904 г.

Касаясь положения христиан внутри самой Японии, японские официальные представители в своих бесчисленных речах, статьях, интервью и других публичных выступлениях без устали (и не без успеха) развивали вышеприведенные программные заявления японского премьера по расовым и конфессиональным вопросам. В марте 1904 г. на страницах *North American Review* посол К. Такахира писал, что «в Японии, как и в других странах мира, непоколебимо гарантирована свобода вероисповедания»,¹⁰⁰ в апреле в речи в лондонском Конституционном клубе барон К. Суэмацу подчеркнул, что христианство воспринимается в Японии «с большой толерантностью»,¹⁰¹ это же в мае в интервью нью-йоркской *World*, а в июле *Brooklyn Eagle* вновь отметил К. Канэко;¹⁰² тогда же (в июле) в беседе с корреспондентом *Neue Freie Press* японский посланник в Вене Макино Нобуаки сообщил, что в его стране «христиане имеют равные права с буддистами», что недавний спикер нижней палаты японского парламен-

96 *The Japan Times*, July 26, 1904, № 2226, p. 4. Правда, точку зрения К. Канэко на этот счет публично оспорил посол Японии в США Такахира Когоро.

97 Цит. по: Valliant, “The Selling of Japan,” p. 427.

98 Цит. по: Новое время. 9(22) февраля 1904. № 10033. С. 3.

99 Цит. по: *The Japan Times*, April 7, 1904, № 2132, p. 6.

100 Цит. по: *The New York Times*, March 1, 1904, № 16898, p. 2.

101 *The Japan Times*, June 14, 1904, № 2190, p. 6 (Отчет о речи барона К. Суэмацу «Проблема Дальнего Востока» в Конституционном клубе Лондона 27 апреля 1904 г.); *The Japan Times*, June 23, 1904, № 2198, p. 6 (Полный текст этой речи К. Суэмацу).

102 *The Japan Times*, May 8, 1904, № 2159, p. 5.

та (имелся в виду Катаока Кенкити, умерший осенью 1903 г.) был протестантом, а сам он «близко знаком с христианином, который занимает пост президента Верховного суда» Японии.¹⁰³ В марте 1905 г. – вновь Канэко (в речи на заседании одного из американских исторических обществ):

«Когда началась война, Россия заявила, что это конфликт между христианством и язычеством. Это страшные слова. Если следовать этой логике, христианские нации должны завоевать языческий мир. Нас называют язычниками, но эти язычники сделали много богоугодных дел, тогда как на счету у России достаточно ужасных поступков, которые варвары-язычники никогда не решились бы совершить (*Аплодисменты*)».¹⁰⁴

Для разъяснения мировой общественности вопроса о положении христиан внутри самой островной империи на Запад были направлены видные христианские деятели-японцы – Ибука Кадзиносукэ и епископ Хонда Ёити.¹⁰⁵

Широко разрекламированный курс Токио на веротерпимость также внес важную лепту в создание образа Японии как европейски цивилизованного, религиозно свободного и духовно близкого Западу государства. При этом истолкование «желтой угрозы» получило несколько неожиданный поворот. 16 мая 1904 г. в токийском парке Сиба состоялся многолюдный митинг в присутствии мэра японской столицы Озаки Юкио и токийского губернатора барона Сенгэ. Накануне митинга из протестантов и буддистов был составлен комитет его устроителей-*promoters* (29 человек) и 126 активистов-*supporters*. В последний вошли семь западных миссионеров, десять православных японцев (с ведома епископа Николая, который «не нашел ничего против, так как и в самом деле война не имеет религиозного характера: мы же пользуемся полной свободой проповеди»¹⁰⁶), представители титулованной знати. Согласно газетному отчету, среди двух тысяч рядовых участников митинга были деятели разных «религиозных сект, как зарубежных, так и японских». Один из выступавших, буддийский активист преподобный Оути Сэйран, указал, что термин «желтая угроза» «применим к монголам, но не к японцам или китайцам» – «японцы, проникнутые идеями европейской цивилизации, не представляют собой никакой желтой угрозы, западным державам следует опасаться русских как наследников древних монголов».¹⁰⁷ Православные также

103 Цит. по: *The Japan Times*, July 19, 1904, № 2220, p. 4.

104 *The Japan Times*, April 1, 1905, № 2341, p. 6.

105 Ohata, Ikado, "Christianity," p. 290.

106 Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 69 (запись от 11/24 апреля 1904 г.).

107 *The Japan Times*, May 17, 1904, № 2166, p. 3. Характерно, что летом 1904 г. схожие идеи стали развивать западноевропейские публицисты прояпонского толка (См., напр.: O. Eltzbacher, "The Yellow Peril," *The Nineteenth Century and After*, Vol. LV (London, June 1904), pp. 910–925). С предложением признать для Европы опасностью не «миролюбивых китайцев», а «великую северную нацию» как столетнее «обиталище мон-

получили возможность произнести речь, которая была встречена рукоплесканиями. Программа и текст резолюции митинга были загодя представлены на заключение премьер-министра, который, прочитав, одобрил их от своего и микадо имени; «значит, настоящий митинг – прямо дело Правительства», – заключил в этой связи владыка Николай.¹⁰⁸ Отпечатанная по-японски и по-английски, резолюция была единогласно принята собравшимися, которые, по сообщению православного епископа, «изливались в речах самоуслаждений и плесканиях часа три».¹⁰⁹ 24 мая в Уэно состоялось повторное собрание «представителей религиозных сект», на котором депутат парламента христианин Эбара Сороку, буддистский деятель Мураками Сэншо, преподобный Курода Синдо и прочие «известные представители религиозного мира» рассказали о «конференции» недельной давности.¹¹⁰

Работу обоих межконфессиональных собраний широко осветила японская англоязычная печать, сам факт их проведения без замедления превратился в сюжет и внутрияпонской пропаганды:

«В свободе вероисповедания мы, пожалуй, более развиты, чем любое европейское государство, – прозвучало в речи графа Окума Сигэнобу, произнесенной 28 мая 1904 г. на встрече студентов и преподавателей двух десятков столичных вузов. – В этом мы следуем путем Америки. Удивительный пример представляет собой недавно состоявшийся митинг представителей разных религиозных верований Японии, буддистов и христиан, включая даже православных, которые приняли совместную резолюцию – вещь, вероятно, невозможная даже в Америке».¹¹¹

Параллельно, но уже без всякой огласки, премьер-министр дважды принял в своей резиденции Василия Ямада, доверенное лицо православного епископа. Беседа, которая состоялась 8 мая, была посвящена вопросу нападения на православных в Каяма, причем граф Кацура, выразив свое сожаление на этот счет, пообещал сделать все «к усмирению язычников». На встрече 23 мая премьер одобрил подготовленный Ямада под его (Кацура) диктовку текст обращения к японским православным относитель-

гольского племени» граф С. Окума выступил еще весной 1904 г. – Цит. по: Русский вестник. Т. 291. 1904. Июнь. С. 784.

Окума Сигэнобу (1838–1922) – граф, один из виднейших государственных деятелей Японии эпохи Мэйдзи. Дважды (в 1898 и 1914 гг.) премьер-министр, в разные годы министр иностранных дел, финансов, сельского хозяйства и торговли; основатель и лидер Партии прогрессистов – одной из наиболее влиятельных политических партий Японии конца XIX – начала XX вв.; основатель и в 1907–1914 гг. президент Университета Васэда.

108 Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 81 (запись от 3/16 мая 1904 г.).

109 Там же. С. 80–81.

110 *The Japan Times*, May 27, 1904, № 2175, p. 3.

111 *The Japan Times*, May 29, 1904, № 2177, p. 2.

но характера текущей войны. Кацура распорядился отпечатать тысячу экземпляров этого обращения и разослать по японским православным церквям в качестве прямого свидетельства, что, как записал в дневнике о. Николай, «высшее центральное Правительство не имеет никакой неприязни к Православной Вере в Японии и что ему желательно, чтоб и весь народ так относился к ней».¹¹²

Едва известия о состоявшихся в Токио массовых религиозных митингах достигли внешнего мира, западная печать затрубила, что Япония стоит на пороге учреждения государственной «про-христианской церкви». Об этом написали американские *Public Opinion* и *Globe*, британские *Churchman* и *Watchman*, лондонская *Central News* сообщила, что на токийском митинге было «постановлено основать японскую христианскую церковь по образцу английской».¹¹³ В распространении этих слухов, вероятно, свою роль сыграли и вышецитированные заявления японских зарубежных представителей, в свое время широко растиражированные. «Не исключено скорое появление указа об учреждении национальной церкви», – утверждал токийский корреспондент лондонской *Daily Telegraph*. Ссылаясь на сведения из Лондона, петербургское *Новое время* прокомментировало эту новость как «сенсацию», отметив попутно, что «учреждение такой церкви не основывается на религиозной почве, но обнаруживает желание теснее сблизиться с европейскими нациями и парализовать начинающиеся в Европе опасения панasiatизма. Учреждением собственной христианской церкви Япония будто окончательно разорвет с азиатами и сделается европейской нацией. Замысел хорошо рассчитан для обеспечения популярности между англо-саксами».¹¹⁴ Прочитывая известия, распространенные западной печатью, японская официозная англоязычная газета без лишних церемоний назвала их «образчиком абсурда», который в мире «говорится и пишется о нашей стране».¹¹⁵ Фактически, в этом и заключался ответ официального Токио с последующей переориентацией японской пропаганды.

Последнее общественно значимое мероприятие японского правительства в разработке «христианского вопроса» внутри страны было проведено в разгар лета 1904 г. 16 июля в Саппоро, «по образцу недавно проведенного в Токио», состоялся двухчасовой митинг, в котором приняли участие губернатор Хоккайдо барон Сонода, крупные чиновники городской администрации, представители торгово-промышленного мира, профессора здешнего Сельскохозяйственного колледжа, несколько японков «высших классов», делегаты от близлежащих городов (Отару, Иванаи, Асахигава и др.), синтоистские, буддистские и христианские священнос-

112 Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 76, 84.

113 Цит. по: Русский вестник. Т. 293. 1904. Октябрь. С. 453.

114 Новое время. 4(17) мая 1904. № 10118. С. 1.

115 *The Japan Times*, July 3, 1904, № 2207, p. 6.

лужители, всего – более двух тысяч человек. Христиан представляли английские, американские, канадские и японские священники и паства; присутствия православных газетный отчет не зафиксировал. «Под гром оваций» участники митинга единогласно приняли резолюцию, в которой говорилось:

«Несколько лет назад в Японской империи была провозглашена свобода вероисповедания. Вопреки этому, а также несмотря на то, что настоящая война с Россией ведется исключительно с целью обеспечить безопасность нашей родины и мир во всем мире, есть люди, которые утверждают, будто это война между расами и религиями. Поэтому мы, представители людей, исповедующих разные вероучения, по собственному почину и с полным единодушием выражаем свой протест и заявляем, что эта война не имеет отношения ни к расам, ни к религии; мы горячо молимся, чтобы возможно скорее восстановились мир и процветание».¹¹⁶

Если не считать некоторых сокращений и незначительной редакторской правки, это был текст резолюции токийского митинга двухмесячной давности.¹¹⁷

Между тем, вызвав неподдельный интерес и большие надежды в западном клерикальном сообществе, идея христианизации островной империи уже зажила «своей жизнью». В церковных кругах принялись на все лады обсуждать этот план, строить догадки, высказывать собственные наблюдения и делать заключения порой вселенского масштаба. Так, президент американской Объединенной теологической семинарии Ch. C. Hall, приветствуя христианизацию Японии, заключал, что, таким образом, человечество является свидетелем рождения нового, «восточного типа христианства», в общении с которым традиционному христианству следует переходить от «диктата к сотрудничеству».¹¹⁸ Другие высказывались пессимистически – в докладе Правления иностранных миссий, который в конце мая был представлен годичной конференции методистов в Вашингтоне, говорилось: «Имеющее хождение мнение, будто Япония превращается в христианскую страну, далеко не соответствует действительности. Здесь все еще преобладают идолопоклонничество, суеверия и атеизм».¹¹⁹ Токийский епископ Awdry, хотя и одобрил идею христианизации в принципе, но, уловив настроения светских властей, советовал единоверцам не подталкивать микадо к «государственному крещению», дабы дальнейший рост японского влияния на Востоке не был окрашен в чуждые азиатским народам христианские тона и чтобы не оскорблять патриотических чувств самих японцев. Если иностранцы будут слишком

116 *The Japan Times*, July 22, 1904, № 2223, p. 3.

117 Полный текст программы токийского митинга и принятой им резолюции см.: Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 79–81.

118 *The Japan Times*, July 5, 1904, № 2208, p. 4. Перепечатка из *Public Opinion*.

119 *The New York Times*, May 21, 1904, № 16967, p. 10.

часто говорить о том, что «прогресс Японии явился результатом христианского обучения или следствием реализации западных идей», предостерегал он, они тем самым «ущемят японский патриотизм». ¹²⁰ «Пришел день сказать о Японии: “Это нация, не имеющая религии”», – торжествовал баптист De Forest, имея в виду духовную эволюцию жителей страны от традиционных верований к христианству. ¹²¹ Наблюдение епископа Mugabure относительно намерения «верхних классов японского общества» христианизировать свою страну, опубликованное в августе 1904 г., мы уже приводили.

В общем, вопрос о якобы официально планируемой христианизации Японии начал выходить из-под контроля Токио, а его дальнейшая разработка с участием «своей» и зарубежной христианской общественности грозила и вовсе поставить правительство перед фактом. Осознав это, оно стало спешно отыгрывать назад. И само правительство, и пресса Страны Восходящего Солнца внезапно потеряли интерес к теме японской веротерпимости. Во второй половине 1904 г. газеты сосредоточились на перепечатке материалов западных газет, посвященных настроениям в католических и протестантских кругах Запада, специальным богословским вопросам, событиям из истории западной церкви и т.п. ¹²² Председатель гэнро маркиз Х. Ито, заявив, что смотрит на религию «как на предмет совершенно ненужный для жизни народа», как на суеверие и «источник слабости наций», публично выразил удовлетворение тем, что в Японии «почти всеобщим» сделалось «стремление к свободомыслию и атеизму». ¹²³ Судя по сообщениям токийской печати, на всеяпонском совещании («конференции») губернаторов, прошедшем в конце февраля – начале марта 1905 г. в Токио, религиозная тематика вообще не затрагивалась. В этом заключался курс японской пропаганды в «христианском вопросе» на протяжении второго этапа ее деятельности, который продлился до рубежа 1904/1905 гг.

Отношение японских властей к «христианскому вопросу» на заключительной стадии войны можно проследить по характеру и тематике выступлений перед западной аудиторией официальных японских зарубежных пропагандистов. В декабре 1904 г. в британском *Independent Review* появилась большая статья К. Суэмацу под названием «Религии в Японии».

120 *The Times*, August 19, 1904, № 37477, p. 9.

121 *The Japan Times*, February 4, 1905, № 2385, p. 6.

122 См., напр.: “Should the Catholic and Protestant Churches be Reunited?” *The Japan Times*, November 20, 1904, № 2324, p. 5 (Перепечатка из *Review of Reviews*); “The Vital Spark of Christianity,” *The Japan Times*, February 17, 1905, № 2395, p. 5 (Перепечатка из *Spectator*); “The Real Meaning of Prayer,” *The Japan Times*, February 19, 1905, № 2397, p. 4 (Перепечатка из *Public Opinion*); “Mediaeval Religious Wars,” *The Japan Times*, February 22, 1905, № 2399, p. 4 (Перепечатка из ежемесячника *Atlantic*); Augustine Birrell, “Patriotism and Christianity,” *The Japan Times*, April 14, 1905, № 2441, p. 4 (Перепечатка из *Contemporary Review*) и т.д.

123 Цит. по: Русский вестник. Т. 293. 1904. Октябрь. С. 454.

Христианство барон в ней даже не упомянул, ведя речь исключительно о конфуцианстве, буддизме и синтоизме, но в качестве типичного явления отметил, что в этической и нравственной стороне любой религии японец видит «в значительной степени одно и то же».¹²⁴ Следующая и тоже декабрьская статья неутомимого Суэмацу в англо-американской печати (*The Nineteenth Century*), которая называлась «Истинный смысл хара-кири», заканчивалась такими словами:

«Самоубийство в любой форме несовместимо с западными представлениями о добре и зле и ни в коем случае не поощряется. Однако для нас на Востоке могут сложиться условия, при которых оно может быть оправдано, полностью или частично».¹²⁵

Выступая в феврале-марте 1905 г. в лондонской Школе экономики, токийский профессор Окакура Ёсисабуро¹²⁶ отличие «жизненной философии» японцев «от всех ныне существующих западных наций» обосновал тем, что его соотечественники «с незапамятных времен управляются наследниками Богини Солнца (*Sun-Goddess*)». Затем японский лектор подобно синтоистскому проповеднику сообщил британским экономистам, что сын этого божества «послал своего внука вниз на землю управлять Японией, а правнук Дзимму основал императорскую династию, которая правит страной непрерывно вот уже 2 500 лет», из чего, между прочим, следовало, что японская государственность намного древнее европейской. В его изображении, рядовые японцы, «воинственные от природы, всегда были по-солдатски просты и руководствовались философией прямого действия», почему Япония и «не породила самобытных мыслителей». В общем, японцы, с его точки зрения – изначально люди «не того калибра, чтобы ожидать появления среди них Канта или Шопенгауэра». Пафос выступления Окакура состоял в противопоставлении всего жизненного уклада своих соплеменников западноевропейским стандартам, начиная с представлений японцев о женской красоте и кончая устройством и обстановкой их жилья (внутреннее убранство европейского жилого помещения, заметил он, «довольно отвратительно на наш вкус»). Отдавая, вместе с тем, должное влиянию на Японию эпохи Мэйдзи западных идей, включая «учение Иисуса Христа» («наш мыслительный прожектор сегодня направлен на Европу и Америку в поисках тех новых идей для последую-

124 Цит. по: *The Japan Times*, January 13, 1905, № 2367, p. 4.

125 *The Japan Times*, January 24, 1905, № 2376, p. 4 (Перепечатка из *Nineteenth Century*).

126 Окакура Ёсисабуро (1868–1936) – профессор-филолог, специалист по английскому языку, младший брат видного японского искусствоведа и публициста, поборника пан-азиатизма Окакура Какузо (1862–1913). В 1905 г. по приглашению Лондонского университета прочитал в Лондоне цикл лекций о «духе Японии». В том же году эти лекции были опубликованы в виде книги с восторженным предисловием знаменитого английского писателя Дж. Мередита и с авторским посвящением старшему брату.

щего развития, которые мы ранее привыкли черпать из Китая и Индии»), лектор, тем не менее, подчеркнул, что христианство «в узко-церковном» (sectarian) смысле в сознании нынешних японцев помещается «где-то между национальными верованиями» и «современным агностицизмом, или научным монизмом».¹²⁷

Одновременно с выступлениями Окакура Ёсисабуро в западной печати появилось несколько трудов его брата Какузо, который с февраля 1904 г. совершал лекционно-коммерческое турне по США и Западной Европе. По словам его биографа M.W. Steele'a, книги Окакура-старшего «пользовались широкой популярностью, а его идеи оказали большое влияние на восприятие японской культуры на Западе».¹²⁸ Еще в июле 1903 г. вышла его работа о влиянии на японское и все азиатское искусство буддизма, которая до конца 1905 г. выдержала три англоязычных издания; идейное содержание книги передал американский обозреватель, который свою рецензию на нее озаглавил: «Азия, мать идей».¹²⁹ В своей следующей работе («Пробуждение Японии», ноябрь 1904 г.) Окакура Какузо прямо писал о проникновении в Японию западных влияний как о «черном дне Азии», о том, что «сердце Старой Японии еще громко бьется» и т.п.¹³⁰

В общем, западному читателю и слушателю недвусмысленно давалось понять, что христианская тематика уже не находится в центре внимания официального Токио, а христианская и традиционные японские этика, нравственность, философия, религиозная догматика и сам жизненный уклад весьма и весьма различаются. При этом, как мы могли убедиться, в пропаганде, рассчитанной на западного потребителя, тема японской самобытности развивалась крещендо. Заметка, помещенная в январе 1905 г. на первой полосе *Japan Times* под заголовком: «Французские миссионеры помогают русским»,¹³¹ сигнализировала, что подобные «вольности», о которых властям было известно давно, впредь правительство терпеть не намерено.

Таким образом, к середине 1904 г. положение христиан в Японии стабилизировалось, угрозу сочувствия западных стран христианской России со всеми его неприятными последствиями японская пропаганда в основном смогла нейтрализовать и, тем самым, блокировать любые практические шаги в деле их гипотетического объединения на почве религиозной общности в отражении «желтой угрозы». И в России, и на Западе это пугало оставалось достоянием горстки теоретиков, публицистов и политиков – большинство современников либо отзывалось о нем саркастически,

127 Okakura Yoshisaburo, *The Japanese Spirit* (London, 1905), pp. 37, 43-45, 100-101, and 127.

128 Kodansha Encyclopedia of Japan, Vol. 6 (Tokyo, 1986), p. 79.

129 "Saturday Review of Books," *The New York Times*, June 25, 1904, p. 1.

130 Okakura Kakuzo, *The Awakening of Japan* (Tokyo, 1940) (по английскому изданию 1904 г.).

131 *The Japan Times*, January 17, 1905, № 2370, p. 2.

либо хранило равнодушное молчание, и в этом сказалось как воздействие японской зарубежной пропаганды, так и курс на веротерпимость внутри самой островной империи. Не удивительно, что деятельность японских зарубежных пропагандистов получила на родине высокую оценку и была щедро вознаграждена – К. Суэмацу и К. Канэко стали членами гэнро, а в 1907 г. еще и виконтами.

В КОНЦЕ ВОЙНЫ И СРАЗУ ПО ЕЕ ЗАВЕРШЕНИИ

Весной 1905 г., когда исход войны в пользу Японии был уже, фактически, предрешен, тон и смысл печатных выступлений токийских пропагандистов, в том числе по конфессиональным вопросам, вновь заметно изменился; официальная пропаганда начала четвертый и заключительный этап своей деятельности. Разговор стал более откровенным, пошел на равных, исчезли «фигуры умолчания» и расхожие пропагандистские клише военных лет. В мае 1905 г. на страницах *Deutsche Revue* барон К. Суэмацу рассуждал о том, как изменятся взаимоотношения Запада и Востока по окончании войны. Указав, что, победив, его страна становится в один ряд с великими державами, он писал:

«Япония в этой связи чувствует большую ответственность и всегда будет стараться поддерживать хорошие отношения с Западом», почему «опасаться ненависти к нему со стороны Японии не следует»; «вопрос о религиозных различиях следует рассматривать точно таким же образом. Азиаты не имеют предубеждений в отношении любой религии. Они никогда не станут проявлять враждебности к западным людям в связи с религиозными различиями. Поэтому если Запад не будет демонстрировать своего презрения к азиатам по расовому и религиозному признакам, никаких осложнений не возникнет».¹³²

Тогда же в Токио стали раздаваться все более настойчивые требования «военного вознаграждения» и разного рода уступок со стороны как западных стран, так и, главным образом, поверженной России. В ответ, призывая соотечественников не зарываться и «соотносить свои права и интересы с правами и интересами других держав», редактор японоязычной *Kokumin* подчеркнул:

«Благодаря своим подвигам, Япония встала вровень с великими державами Европы и Америки, и никто теперь не может позволить себе ее игнорировать; однако, в расовом и религиозном отношениях, в своих обычаях и традициях, во всем, что относится к сфере человеческого существования и образа жизни, равно материальной и интеллектуальной, мы не имеем с ними ничего общего. В мире мы одиноки».¹³³

132 Цит. по: *The Japan Times*, June 27, 1905, № 2505, p. 6.

133 Цит. по: *The Japan Times*, June 20, 1905, № 2499, p. 3.

Увещевания не подействовали. По итогам тяжелой, но победоносной войны японское общество, как и накануне конфликта доведенное до кипения пропагандой доморощенных «ястребов», жаждало получения внушительной контрибуции и, как минимум, передачи Японии всего острова Сахалин.¹³⁴ Известие о подписании японской делегацией значительно более скромного по своим условиям мирного договора в американском Портсмуте вызвало волнения в Осака, Кобэ, Нагоя, Иокогама, Химэдзи, Сасэбо, Каназава, Тиба, Киото и особенно в Токио. На другой день после подписания мира, 6 сентября 1905 г., в столице было введено военное положение, генерал виконт Сакума Самата назначен «главнокомандующим обороны Токио», в помощь трем тысячам столичных полицейских в город были стянуты войска. Но это не остановило погромщиков, иностранные газеты сообщали (не исключено, что сгущая краски), будто японская столица находится в руках бесчинствующего плебса;¹³⁵ «толпы ходят по городу и разбивают и жгут полицейские дома и будки ... в разных местах виднелось зарево»,¹³⁶ – отметил 6 сентября очевидец в своем дневнике. В ходе кровопролитных уличных боев были сожжены и разгромлены полицейские участки, резиденция министра внутренних дел, редакция проправительственной *Kokumin*, храмы и другие сооружения христиан, как выразилась *Japan Times*, независимо от их «сектантской принадлежности»: в Комагата-чо – американская церковь, в Сибадзаки-чо – недавно отстроенная методистская церковь преподобного Т. Миура, в Ёкогава-чо – церковь и школа французской духовной миссии пастора J. Balette'a, всего, по скромным оценкам, – от 8 до 10 христианских церквей и молельных домов в токийских районах Асакуса и Хондзэ.¹³⁷

Казалось, что начинают сбываться самые мрачные предчувствия Запада. Гнева разъяренной толпы не смог избежать ни смотритель христианской часовни в Такэ-чо, который, забаррикадировавшись, выкинул белый флаг, ни прихожанин христианского храма Кати-мати (в Ситае),

134 Американский посланник в Токио Гриском, донесение которого в Вашингтон цитирует С. Окамото, сообщал в сентябре 1905 г., что большая часть японской прессы «требовала и с надеждой ожидала уступки Владивостока и Приморского края России, как и острова Сахалина, и выплаты миллиарда долларов компенсации. Даже более разумные и умеренные группы ожидали уступки Сахалина и пятисот миллионов долларов компенсации. Можно справедливо сказать, что вне правительства никто в империи не ожидал, что Япония должна будет принять условия, которые сейчас входили в договор о мире». – Цит. по: Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003. С. 230–231.

135 Цит. по: *The Japan Times*, September 16, 1905, № 2575, p. 3.

136 Накамура (сост.). Дневники Святого Николая Японского. Т. 5. С. 264.

137 Британский посланник в Токио Sir Claude MacDonald по горячим следам извещал Foreign Office, что в ходе беспорядков 5–6 сентября «были совершены нападения на несколько церквей, из которых одна-две были уничтожены». При этом он счел необходимым подчеркнуть, что «бунт нигде не принял антииностранных или антимиссионерских форм» (Цит. по: *The Russo-Japanese War, 1904–5, Compiled & introduced*

кричавший погромщикам, что владелец церковной постройки воевал в Маньчжурии.¹³⁸ Здания православной миссии в Токио спасла только присылка дополнительного охранного отряда в сто с лишним человек; в эти же дни американское посольство охраняло 400 солдат, французское – 80, британское – 50. О масштабах произошедшего разгрома говорят убытки пострадавших миссий – от 25 до 50 тысяч иен,¹³⁹ количество жертв, по официальным данным, составляло порядка 2 тыс. человек, включая 17 убитых бунтовщиков и 400 (по другим данным – 500) раненых полицейских. В первый же день беспорядков полиция арестовала не менее 200 погромщиков, а всего – 2 тысячи человек, 87 из которых (в большинстве – молодых ремесленников и рабочих) впоследствии были осуждены. В ноябре 1905 г. по этому же делу за решетку была отправлена группа депутатов японского парламента, в том числе Коно Хиронака, спикер Палаты представителей.¹⁴⁰ На восстановление 219 разрушенных токийских полицейских будок казна отпустила около 30 тысяч иен.

В Англии, по признанию британской печати, токийский бунт «произвел тяжелое впечатление»;¹⁴¹ *New York Times* констатировала, что в «действиях погромщиков очевидна антиамериканская тенденция», поскольку они сожгли американскую церковь и угрожали Е. Н. Harriman'у – американскому железнодорожному магнату, который находился в Токио с деловым визитом и вечером 6 сентября под охраной отряда солдат возвращался в американское посольство с банкета, который в его честь устроил в своей резиденции министр финансов барон Сонэ Арасукэ.¹⁴² Произшедшие беспорядки, предположила газета, «предвещают длительные сложности в американо-японских отношениях»,¹⁴³ в связи с чем американская печать высказывала свое «глубокое сожаление»; посланник Гриском выразил по этому поводу официальный протест. Немецкая пресса вообще поставила под сомнение цивилизованность японцев.¹⁴⁴ Попыткой сгладить тягостные впечатления Запада стало новое печатное выступление епископа Awdry, который, указав, что «христианство и цивилизация» «еще в

by Ian Nish, Vol. 1, p. 162). По данным историка С. Окамото, всего в ходе токийских беспорядков было разрушено или сожжено 13 христианских церквей – из 119, имевшихся тогда в городе. Причины, по которым разрушения подвергались именно христианские здания, этот исследователь видит в «подозрениях, что христиане – российские шпионы». – Окамото. Японская олигархия в русско-японской войне. С. 294.

138 "Burning of the Churches," *The Japan Times*, September 8, 1905, № 2568, p. 3.

139 *The Japan Times*, September 11, 1905, № 2570, p. 2. Эти суммы соответствуют 1–2 миллионам современных долларов США.

140 *The Japan Times*, November 11, 1905, № 2621, p. 2.

141 Цит. по: *The Japan Times*, September 11, 1905, № 2570, p. 3.

142 *The New York Times*, September 8, 1905, № 17394, p. 1.

143 Цит. по: *The Japan Times*, September 12, 1905, № 2571, p. 2.

144 Цит. по: *The Japan Times*, September 22, 1905, № 2580, p. 2.

очень небольшой степени влияют на международные отношения»,¹⁴⁵ всю ответственность за произошедшие беспорядки, фактически, возложил на мировое сообщество. Параллельно Евангелический союз Японии провел собственное расследование обстоятельств погрома и пришел к заключению, что действия толпы «не были результатом подстрекательства к ненависти по отношению к иностранцам или к христианской религии».¹⁴⁶ Вскоре японская печать стала утверждать, будто в результате токийских погромов «небольшие повреждения» получили «одна-две христианские церкви», а пострадавшим миссиям тот же Евангелический союз порекомендовал воздержаться от требования компенсации понесенных убытков. Едва утих токийский скандал, как на Западе снова вспомнили и публично заговорили о желательности добровольной христианизации Японии – в ноябре 1905 г. на церковном конгрессе в британском Дочестере об этом вслух мечтал викарий Лидса преподобный Bickersteth.¹⁴⁷

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы русско-японской войны в рамках общей полемики по проблеме «желтой угрозы», которая развернулась в мировой прессе, столкнулись две «выдуманности реальности». Первая, российского происхождения, хотя и получила некоторый отклик на Западе (в основном в Германии и Франции), была воспринята мировым сообществом в целом вполне адекватно, именно – как искусственно и политически небескорыстно раздуваемый миф. Официальная российская пропаганда в союзе с консервативной прессой стремились убедить сограждан и весь христианский мир в реальности «желтой угрозы» и несовместимости христианских морально-этических ценностей с лишь внешне «озападненной» Японией, но мало преуспела в этом даже внутри своей собственной страны; руководители РПЦ безуспешно призывали единомышленников осознать русско-японский конфликт как столкновение христианства с язычеством. Иностранные наблюдатели фиксировали отсутствие в российском обществе антипатий к японцам. *New York Times* не обнаружила в Петербурге «ни сколько-нибудь широкого антияпонского настроения, ни расового антагонизма»¹⁴⁸ даже в феврале 1904 г., когда в российских городах в связи с началом войны проходили массовые патриотические манифестации; военный корреспондент *Times* в 1905 г. констатировал, что «русские так же безразличны к расовым различиям, как и британцы».¹⁴⁹ В послевоенной России, по признанию поэта Валерия Брюсова, выражение «желтая опасность» «успело

145 *The Japan Times*, September 15, 1905, № 2574, p. 6.

146 Цит. по: *The Japan Times*, September 11, 1905, № 2570, p. 6.

147 См.: *The Japan Times*, November 28, 1905, № 2634, p. 6.

148 *The New York Times*, February 16, 1904, № 16885, p. 1.

149 W. Greener, *A Secret Agent in Port Arthur* (London, 1905), p. 47.

опошлиться и принять комический оттенок».¹⁵⁰ Предчувствия грядущей катастрофы для японских христиан, которые посетили некоторых публицистов и религиозных деятелей Запада, также не вышли за рамки газетных спекуляций. Таким образом, пугало «языческого японизма» как часть российской официальной риторики не сработало ни во внутрироссийской пропаганде, ни за пределами империи. Представления о цивилизационной миссии России на Дальнем Востоке, выполняемой якобы в интересах всего христианства, также не получили в мире сколько-нибудь ощутимых сочувствия и поддержки.

Для нехристианской Японии война с Россией актуализировала вопрос о статусе и реальном положении «своих» и зарубежных христиан на ее территории и в этой связи – об общем содержании и ситуативных изменениях собственной внутренней и зарубежной пропаганды с акцентом на межконфессиональную тематику. Перед пропагандистами, направленными на Запад, правительство поставило задачу нейтрализовать возможные опасения «желтой угрозы» на мировой арене, затушевать представление о войне как столкновении христианской страны с языческой с тем, чтобы не допустить объединения против себя христианских государств в любой форме и, таким образом, предотвратить перерастание локального дальневосточного конфликта в мировой. Так родилась и была пущена в ход «выдуманная реальность» в токийской редакции, причем, в отличие от ее российского аналога – весьма успешно.

За годы войны японская пропаганда, рассчитанная на западного потребителя, прошла несколько этапов. В ходе первого (длившегося до середины 1904 г.) особо подчеркивались духовная близость японской и «англо-американской» цивилизаций (в интересах последней Япония якобы и вступила в войну с Россией), «исконный» и «извечный» японо-китайский антагонизм и толерантное отношение к христианству в самой Японии, которая будто бы в скором времени намерена окреститься. Информация о массовых митингах представителей разных конфессий, проведенных японском правительством в мае-июле 1904 г., была широко растиражирована и еще больше подхлестнула надежды Запада на скорую христианизацию островной империи. Этим ожиданиям не суждено было сбыться, но главная цель Токио – укоренить в христианском мире образ Японии как страны, духовно близкой Западу, – тем не менее, оказалась достигнута.

Поэтому второй этап (до конца 1904 г.) прошел под знаком потери интереса японского правительства к проблемам веротерпимости. Объявив планы христианизации Японии газетной «уткой», более к общественному обсуждению межконфессиональных вопросов внутри страны Токио в годы войны не обращался, вероятно, посчитав их исчерпанными – необходимость в продолжении официального мифотворчества в этом направле-

150 Цит. по: *Молодяков*. «Образ Японии» в Европе. С. 138.

нии отпала. К тому же, в ходе реализации курса на укрепление позиций Японии на Востоке идеи христианолубия и мирного сосуществования религий должны были с неизбежностью отойти на второй план, уступив лидерство пан-азиатским лозунгам, уже пущенным в ход в Корее.

На протяжении третьего этапа (до весны 1905 г.) японская пропаганда, адресованная Западу, главный упор делала уже на культурно-религиозной самобытности своей страны, а когда исход войны в пользу Японии стал очевиден, вообще отбросила прежние клише. На заключительном (4-м) этапе ее деятельности сюжет о духовном родстве Японии с западной цивилизацией окончательно исчез из пропагандистского репертуара. Погромы христианских церквей в Токио 5–6 сентября 1905 г. воочию показали конъюнктурный, верхушечный и сугубо утилитарный характер официального японского христианолубия годичной давности.

«Усвоение так называемой западной цивилизации в течение тридцати лет не может обозначать приобретения органических способностей, которыми японский мозг ранее не обладал, – писал в самом конце XIX в. тонкий знаток и большой поклонник Японии Hearn, к тому времени уже ставший подданным микадо. – ... Такие превращения не совершаются на протяжении одного поколения ... Все, что Япония смогла так превосходно выявить, она создала без перевоплощения своего “я” ... Страна остается тем же, чем была: ее лицо почти не изменилось при всех переменах эпохи Мэйдзи».¹⁵¹

С утверждениями Hearn’а перекликаются наблюдения японских историков. «Вестернизация эпохи Мэйдзи, – отмечают авторы официальной «Истории японской культуры», – воздействовала только на интеллигентов и средний класс. Крестьяне и обнищавшие бывшие самураи, которые составляли свыше 80% населения, ... массами обратились к синтоизму ..., не находя утешения ни в буддизме..., ни в христианстве, которое пришло как часть западного влияния».¹⁵² Вестернизация и модернизация, добавляет Наганава Мицуо, «затронули лишь внешнюю сторону жизни японцев. В глубине души они остались приверженцами буддистских и синтоистских идей, причем конфуцианство новый правящий класс породил в качестве официальной идеологии».¹⁵³

Оптимизм методистского епископа Хонда в отношении «перспектив будущего» западной христианской церкви в Японии¹⁵⁴ не оправдался, хотя количество ее последователей-японцев постепенно увеличивалось – к 1909 г. одних протестантов здесь насчитывалось около 75 тысяч.¹⁵⁵

151 Хэрн Л. Гений японской цивилизации // Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. СПб., 2000. С. 38–41.

152 Kisimoto, ed., *Japanese Culture in the Meiji Era*, Vol. II, pp. 355–356.

153 Naganawa, “The Japanese Orthodox Church,” p. 165.

154 Honda, Yamaji, “Japanese Religious Beliefs: Christianity,” pp. 99–100.

155 Ohata, Ikado, “Christianity,” p. 293.

Усилиями обеих сторон – и японской, и русской – упования на широкое распространение в стране православия, высказанные в свое время С.О. Макаровым, в годы войны также были похоронены. По окончании войны в духе макаровских идей японские православные сделали попытку идейно обосновать возможность «встроить» свою церковь в японскую систему государственной власти, но успеха не достигли. Вместе с тем, в послевоенные годы японское православие продолжало, хотя медленно, но развиваться – на момент смерти владыки Николая в 1912 г. эта церковь имела в своем распоряжении один кафедральный собор в Токио и восемь меньших, 276 простых церквей, две семинарии и свыше 34 тысяч человек паствы. С окончанием эпохи Мэйдзи японское православие вступило в полосу длительного упадка.¹⁵⁶

Христианизация Японии не могла состояться, но мечта о гармоничном соединении и плодотворном взаимодействии традиционной японской культуры с западной цивилизацией оставила глубокий след в духовной жизни Японии и получила отражение в ее изящной словесности. Герой рассказа Акутагава Рюносукэ «Носовой платок» обнаруживает в кодексе бусидо «черты, сближающие его с христианским духом стран Америки и Европы», и усматривает в их взаимопроникновении путь для вывода японской культуры из «духовного упадка»; в эссе «Похвала тени» Танидзаки Дзюнъитиро рассуждает о том, как самобытный Восток может воздействовать на «формы политической и религиозной жизни, на искусство, на экономическую деятельность» Запада.

156 Naganawa, "The Japanese Orthodox Church," p. 165.